

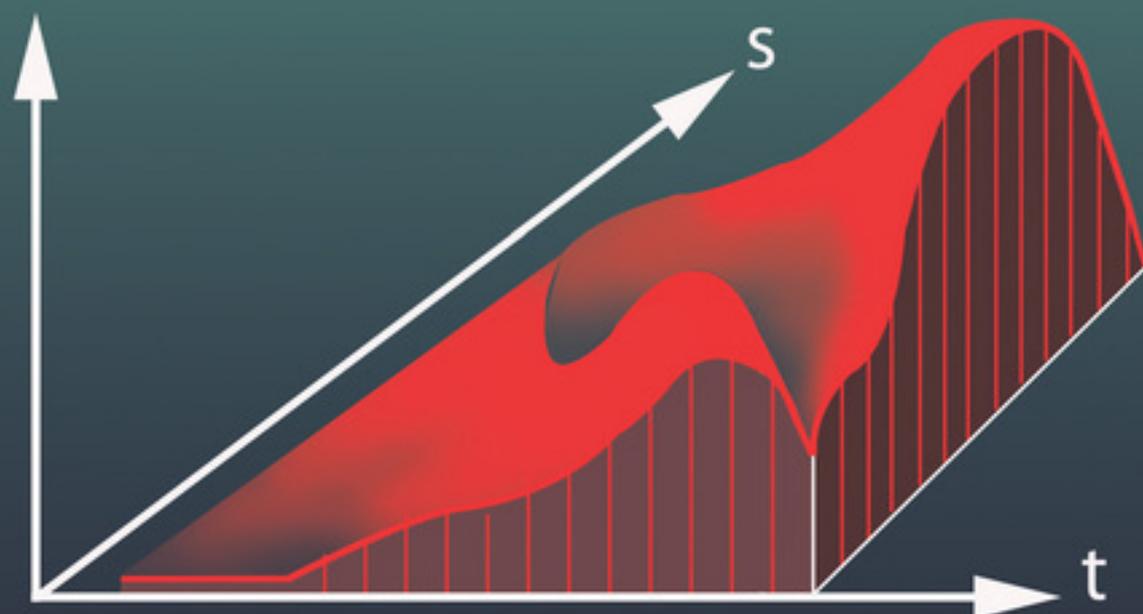

ЦЕНТР ПРОБЛЕМНОГО АНАЛИЗА
И ГОСУДАРСТВЕННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО
ПРОЕКТИРОВАНИЯ

*В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян,
С.Г. Кара-Мурза, М.В. Деева,
Ю.А. Сафонова*

ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМ

**ОПЫТ
КРИТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА**

**Вардан Эрнестович Багдасарян
Владимир Иванович Якунин
Ю. А. Сафонова
Степан Степанович Сулакшин
Сергей Георгиевич Кара-Мурза
М. В. Деева**

**Постиндустриализм. Опыт
критического анализа**

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3935865

*Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Кара-Мурза С.Г., Деева М.А., Сафонова Ю.А.
Постиндустриализм. Опыт критического анализа. Монография: Научный эксперт; Москва; 2012
ISBN 978-5-91290-163-8*

Аннотация

В работе критически рассмотрена широко известная теория постиндустриального общества. Возникшая в 70-х гг. XX в. как футурологическая теория, она перепроверена на основе обширного феноменологического материала прошедшего периода. При использовании совмещенного пространственно-динамического анализа выясняется, что выводы и прогнозы теории постиндустриализма, основанные только на временном анализе, не во всем являются достоверными. Показано, что помимо завышенной претензии на объяснительный и прогностический потенциалы, теория постиндустриализма впоследствии приобрела признаки манипулятивного когнитивно-информационного проекта. Выявлено, что цивилизационный и вариативный подходы к анализу эволюции мира являются методологически более адекватными.

Для преподавателей общественных наук, аспирантов и студентов.

Содержание

Предисловие	4
Мифы постиндустриализма и проблемы реиндустриализации России	4
Вводная глава	8
Общая постановка задачи	8
Некоторые методологические вводные	16
Глава I. Генезис постиндустриализма	23
1.1. К истории теории постиндустриального общества	23
1.2. Школы и направления постиндустриализма	27
1.3. О постиндустриалистском дискурсе	34
Полемика вокруг постиндустриализма как научной теории	36
Содержательная размытость понятия «постиндустриальное общество»	38
Неоправданность прогностических претензий концепции постиндустриального общества	38
Дефицит научности в подходе к проблемам	39
Нецелостность представлений об обществе, характерная для постиндустриализма	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, С.Г. Кара-Мурза, М.В. Деева, Ю.А. Сафонова

Постиндустриализм. Опыт критического анализа

Предисловие

Мифы постиндустриализма и проблемы реиндустриализации России

Р.С. Гринберг, член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН, профессор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова

Российские читатели познакомились с книгой Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» в русском переводе в 1999 г. С середины 1960-х гг. она была мировым бестселлером. В атмосфере падения Берлинской стены, распада Советского Союза и очевидной победы мира капитализма над миром социализма идеи автора казались не просто научными, а почти пророческими. Д. Белл говорил о постиндустриальном будущем, конструирование которого уже начали американские технократы. Американские астронавты осваивали Луну, число американских лауреатов Нобелевской премии превысило фантастическую цифру – пятьсот. Эти факты упрямо свидетельствовали в пользу истинности теории Белла в главном – наука становится ключевым фактором развития, ведущей производительной силой.

Но тогда же у социологов и экономистов впервые появились некоторые «тупиковые» вопросы. Как далеко пойдут сдвиги в западных экономиках, обозначенные Беллом? Какой будет судьба старого индустриального уклада, обеспечивающего жизнедеятельность человека, какие новые сектора появятся в сфере услуг? Наконец, как изменится характер американского общества и государства в условиях господства меритократии – «демократии заслуг», которую Белл противопоставлял традиционной американской демократии, ориентированной на «естественную» элиту, прошедшую конкуренцию? Но и тогда ощущение грандиозности экономического и социологического замысла американского ученого не покидало многих: это Маркс XXI века, – считали они. Но вопросов к Беллу с годами становилось все больше и больше, его книги стали объектом системной научной критики. Последователи и непримиримые оппоненты появились и в России, где всегда осторожно относились к работам, претендующим на роль очередного некоммунистического манифеста. А здесь не просто манифест, но и огромный аналитический аппарат, научная прогностика.

Сегодня мы живем в эпоху быстрых перемен. Глобальный мир развивается не по сценариям пророков постиндустриализма. Кто бы мог подумать еще пять лет тому назад, что американская экономика, несмотря на ее очевидные сильные стороны и преимущества, попадет в длительный период нестабильности и турбулентности? Кто сомневался в стабильности еврозоны и единой Европы с ее амбициями расширения на Восток? Глобализм породил антиглобализм, новые идеи – новую несправедливость и исторические ошибки.

Творцы идей не должны и не могут нести ответственность за интерпретации будущих поколений. Известный критик царского режима и непримиримый русофоб Карл Маркс ничего общего не имеет с идеологией и практикой русских марксистов, которые создали целую государственную идеологию гегемонии пролетариата для 1/6 населения Земли. Маркс подобных вещей просто не говорил, это мифотворчество.

Д. Белл был идеологом информационного общества и «властителем дум» технократической элиты. В его научной картине мира, как он считал, не было места политической идеологии. Но это не значит, что его наследие не могло быть использовано в идеологической или информационной войне. Могло, если препарировать идеи соответствующим образом. И настоящая книга, которая предложена читателю В.И. Якуниным с соавторами, открывает эту не лежащую на поверхности сторону вопроса о современном понимании теории постиндустриализма.

Постиндустриализм 1960-х – это технократический прогноз Д. Белла о перспективах американского общества, в котором он утверждает приоритетное значение науки и научной деятельности, прогнозирует смену индустриального уклада и тренд к расширению сферы услуг. Он провозгласил концепцию новой социальной стратификации и доминирования класса профессионалов – научного, технологического, административного и культурного сословий – над гражданским обществом. Однако в работе В.И. Якунина с коллегами убедительно показано, что события в глобальном мире развиваются не по сценарию Д. Белла. Даже без сложных математических моделей ясно, что факты мировой экономики и политики не соответствуют прогнозам американского футуролога.

Использование идей постиндустриализма в информационной войне – предмет исследований, размышлений и опровержений данной книги, подготовленной коллективом авторов Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Книги, на мой взгляд, современной, дискуссионной, формирующей особый исследовательский взгляд не столько на научное наследие Д. Белла, сколько на постиндустриализм как одну из интерпретаций современной эпохи.

Прежде всего отмечу масштабы проведенного исследования: авторы действительно в теме и развивают свой собственный, альтернативный дискурс. Причем потенциал этого дискурса таков, что он наверняка будет востребован при разработке политики модернизации российской экономики. Напомню читателям, что многие критики Белла не без оснований считают, что главным в наследии ученого является его научная и технологическая прогностика. В предлагаемой книге уделено немало внимания этому «сухому остатку» наследия американского прогнозиста и технократа.

Авторы затрагивают нечасто акцентируемый вопрос о том, что гуманитарные науки могут использоваться и в военно-политических (информационная война), и в идеологических целях. Почему это происходит, какие гуманитарные ценности навязываются странам и народам в условиях информационной войны? Об этой содержательной части проблемы в литературе говорится мало, хотя, с моей точки зрения, конкуренция идеологий здесь первична и не исчерпывается темой постиндустриализма. И читателю полезно узнать, что нового в борьбу идеологий вносит теория Д. Белла. Главное, что вскрывают авторы – это становление мирового механизма паразитирования одной части мира, которая производит преимущественно финансовые услуги (печатает мировую резервную валюту) по отношению к другой, которая трудится, развивает реальный сектор и производит блага. Как убедить эту работающую вторую часть мира, что все идет в рамках прогресса? Ну, конечно, выдать паразитическую структуру одной части мира за всеобщий рецепт. Мол, все там будем. А кто раньше постиндустриализовался, тот более прогрессивен... Так научная футурология превращается в глобальную политическую манипуляцию. Ведет ли это к практическим последствиям? Авторы показывают это на примере современной России, которая, последовав идеям сер-

висизации, утрачивает реальный сектор и нуждается в итоге в реиндустриализации. Цена заблуждений обретает масштаб общегосударственный.

Поэтому авторы правы: в одном пункте Д. Белл явно не устарел – его постиндустриализм действительно стал частью праволиберальной идеологии, которая правит бал в российской экономике. Его апологеты говорят: на развалинах СССР будем создавать сразу постиндустриальное общество, рынок выполнит эту задачу без участия государства, старый индустриальный уклад изжил себя. Но прыжок из индустриального прошлого в постиндустриальное будущее не состоялся; в результате потери чувства меры и прагматизма после двадцати лет реформ мы создали экономику без индустрии, перешли из второго, вполне конкурентоспособного по международным меркам мира, в третий мир. И только сегодня возникло осознание того, что не пройдя этап реиндустриализации, мы не сможем двигаться дальше. Такова цена мифологических представлений реформаторов.

Тема реиндустриализации – важнейшая в новой экономической политике, которую должна проводить Россия в ближайшие 10–15 лет. Рост реального сектора должен быть естественным, и только на его основе может быть осуществлен переход в новое качество, гарантирующее нам будущее без техногенных катастроф.

Мы можем с уверенностью утверждать, что в результате господства праволиберальной идеологии в наше время финансовая сфера недопустимо далеко оторвалась от производства, от реального сектора экономики. Это противоречие и приводит к мировым кризисам. Оказание различных финансовых услуг превратилось в самостоятельную, громоздкую, неповоротливую, плохо контролируемую и скверно регулируемую сферу деятельности, которая стала приносить обществу больше вреда, чем пользы.

В современном капиталистическом мире фактически сосуществуют две экономики: одна – экономика реального сектора, в ней создаются реальные товары и услуги; вторая – виртуальная и спекулятивная экономика, представляющая собой торговлю биржевыми товарами и различными ценными бумагами. Экономика реального сектора развивается по классическим рыночным законам, ее целью является получение прибыли через снижение затрат и повышение качества товаров. Виртуальная же экономика развивается по законам спекуляции, ее цель – нажива через спекуляции на товарных и фондовых биржах. Называть такое пространственное расслоение фронтальным прогрессом мира по формулам постиндустриализма ошибочно, и это авторы книги показывают очень убедительно. Но зачем тогда тиражируется теория постиндустриализма, явно не оправдавшаяся на практике в течение 50 лет? Ответ очевиден – это выгодно тем, кто манипулируя сознанием масс, элит и научного сообщества получает свои дивиденды.

Виртуальная экономика не может существовать без реального сектора: в сущности, она на нем паразитирует. Современные крупные спекулянты научились получать огромные доходы, искусно управляя подъемами и спадами фондового рынка, используя их в своих интересах. В современном мире только 2–3 % денег связаны с сектором материального производства. Остальные десятки триллионов долларов обслуживают сами себя.

Как считает американский экономист Дж. Стиглиц, фондовые рынки являются непредсказуемыми по своей природе. В США, к примеру, реальный сектор экономики, который действительно что-то производит, это только 15–18 % экономики. Все остальное – финансовый сектор, услуги и т. п. Нынешняя стадия финансового капитализма – я бы назвал эту стадию «финансово-виртуальной» – порождена усилением процессов глобализации, наблюдаемых в последние два десятилетия. Постоянный рост трансграничных финансовых операций, периодическое появление на глобальном финансовом рынке новых финансовых институтов (хеджевых, паевых, пенсионных фондов и др.) привело к тому, что мировое сообщество признало необходимость определенного наднационального регулирования финансовой деятельности, в первую очередь – банковской. Признало, но отнюдь не сразу. Но ведь явления,

которые авторы книги открывают как реалии современности, не описываются теорией постиндустриализма, претендующей на объяснение развития мира в целом. Она апологетизирует механизм паразитизма одной отдельно взятой страны, пусть даже и самой мощной в мире.

Мировой финансовый кризис и очевидный крах идеологии правого либерализма заставили вновь вспомнить Кейнса и леволиберальную политику. Чего стоит одна накачка ликвидностью финансовой системы и частичная национализация попавших в сложное положение предприятий и компаний, наблюдаемые практически во всех странах мира. По иронии судьбы, как раз американцы, призывавшие всех к свободному рынку, едва ли не первыми вынужденно фактически прибегли к социалистическим мерам.

Выводы книги обоснованны. Претензии России на глобальную роль в мировой экономике осуществимы лишь при наличии технологически передового машиностроительного ядра, даже если оно будет недостаточно эффективным с точки зрения сравнительных конкурентных преимуществ. Здесь требуются не узко экономические, чисто рыночные критерии, а политико-экономические императивы. Нас не должны вводить в заблуждение всякого рода ссылки на «постиндустриальные» тенденции. Доля продукции машиностроения и металлообработки в развитых странах составляет 30–50 % объема продукции промышленности, в то время как в России – 19 %. Сегодня только 8–10 % роста российской экономики достигается за счет роста высокотехнологичных секторов (в высокоразвитых странах – до 60 %); доля России в наукоемком экспорте не превышает 0,5 %; доля расходов на науку в ВВП (1,5 %) несопоставима с теми же показателями для современных высокоразвитых стран Запада, Японии, а в последние годы и Китая.

В XX в. Россия невольно помогла Западу стать социальным, и вполне осознанно помогла Китаю стать индустриальным государством. Но сама, увлекшись постиндустриализмом, утрачивает сегодня и социальность, и индустриальность. После начала реформ нам были дарованы три экономических «улыбки Фортуны», три удобных возможности для радикальной модернизации. Первый шанс дала горбачевская перестройка. Но он не состоялся. Вторая «улыбка» – сверхдоходы последних лет от продажи углеводородов. Однако неожиданные колоссальные суммы, буквально упавшие с неба, не вложены в инвестирование и модернизацию основных фондов, они ушли на счета банков и в игры с ценными бумагами вполне по рецептам сервисной экономики. Масштабный мировой кризис – это и испытание, и вместе с тем третья и, возможно, последняя из дарованных нам «улыбок». Дело за политиками.

И в этом смысле основное содержание книги «Постиндустриализм: опыт критического анализа» не только говорит об ограничениях теории постиндустриализма и угрозах информационной войны, она высвечивает наши шансы на лучшее будущее.

Вводная глава

Общая постановка задачи

Теория постиндустриального общества, или постиндустриализма, – это интересное явление в гуманитарной науке. Предлагая определенный объяснительный и прогностический потенциал для понимания особенностей развития современного мира, в последующем своем развитии она одновременно демонстрирует и признаки политического проектного и даже манипулятивного содержания. Разобраться в этих деталях предлагает настоящее исследование. Вопрос оказывается не таким простым, как может показаться.

Современные общественные науки не только познают закономерности развития социальной природы, человеческого мира, но, безусловно, нацелены и на миростроительство, преобразование современного мира, поддержку активно-деятельностного подхода.

Обратимся к рис. В.1¹.

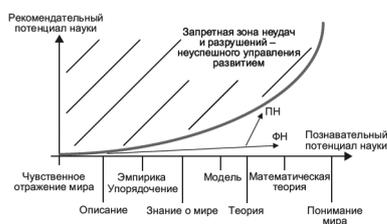

Рис. В. 1. Познавательный и практический рекомендательный потенциалы науки (ФН – фундаментальная наука, ПН – прикладная наука)

По горизонтальной оси познавательного потенциала и уровня познания в науке показан путь прохождения ряда этапов, присущих любому научному проекту познания. Первичные – чувствование (принадлежность и искусства, и литературы, и художеств), отражение мира (описательность), первичные эмпирики. Это пока еще когнитивно очень слабосильные этапы познания. Но затем включаются методы точных наук – упорядочение эмпирики и обработка все более утонченных уровней знания.

Затем становится возможным построение модели познаваемого явления мира. Важно, что понятие теории имеет право появляться только на этом уровне. На уровне первичного отражения или описания никакой теории не бывает. Затем появляется математически и логически построенная модель.

Здесь без аппарата точных наук делать нечего. Именно здесь возникают современные научные междисциплинарные приложения, требующие от представителей и точных, и гуманитарных наук шагов и усилий, направленных навстречу друг другу. Однако очень часто возникает барьер непонимания терминологии и методов, предметов исследований друг друга. Хуже того – появляются взаимные претензии и психологическая несовместимость. Если эти проблемы непреодолимы, то серьезного научного продвижения получить невозможно. Но о каком именно продвижении речь?

Для чего вообще нужна наука? Наука необходима человечеству для двух вещей: познать мир, и на основе его понимания менять мир к доброму, комфортному, устойчивому, гар-

¹ Якунин В.И. Лекция в Лондонской школе экономики 17 февраля 2009 г. М.: Научный эксперт, 2009.

моничному, справедливому, прогрессивному, эффективному, человечному. Впрочем, ровно так же формируется и поход человечества за оружием разрушения.

Посмотрим на вертикальную ось рекомендательного, или практически преобразовательного, потенциала науки. На рис. В. 1 обозначена важнейшая особенность – запретная зона. Дело в том, что если должное понимание законов мира не достигнуто (т. е. ученый не продвинулся по горизонтальной оси до необходимого уровня понимания явлений мира, например, ограничиваясь первичными описаниями), то ответственно, результативно и безопасно преобразовывать мир невозможно. Вместо этого – неудачи, аварии, жертвы. Действительно, разве возможно было создать ядерное оружие или ядерную энергетику, не имея теории и математического аппарата, описывающего строение атома? Так и в любом другом вопросе – о материалах, о сопромате, о грунтоведении (исследование фундаментов зданий и плотин ГЭС). Возведенные сооружения либо развалятся, если знаний и понимания мира при их проектировании было недостаточно, либо, напротив, будут безопасными и эффективными на протяжении длительного периода.

С определенного уровня понимания мира можно ответственно и результативно давать только определенные рекомендации по преобразованию и строительству мира. Отсюда и возникла запретная граница, показанная на рисунке. Что происходит, когда человек заходит в запретную зону? Неудачи, разрушения, катастрофы, неуспешность развития. Именно так ограниченная и отчасти ошибочная теория «марксизма-ленинизма», доведенная до догматизма, привела СССР к распаду. Именно так теория неоллиберализма заводит сегодня в тупик многие страны, включая Россию.

Попасть в запретную зону можно двумя путями.

1. Неумышленная ошибочность научной теории. Такое бывает. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

2. Целенаправленность когнитивной агрессии против страны (или геополитического ареала стран – например, концепт войны цивилизаций) с применением средств и методов «информационного оружия».

Итак, предмет исследования настоящей работы – теория и практика постиндустриализма. Основная часть исследования посвящена вопросу о достоверности теории.

Во-первых, теория постиндустриального общества, или постиндустриализма, в научном плане получила значительный экспериментальный, эмпирический материал для своей проверки.

Что является критерием истинности теории в науке? Практика, т. е. эксперимент. Теории постиндустриализма уже более 40 лет. Человеческая практика, состоявшаяся за это немалое время, может быть проанализирована применительно к вопросу о достоверности теории постиндустриализма. Именно такую часть общей исследовательской задачи и поставили перед собой авторы.

Однако есть и вторая сторона дела. Концепт постиндустриализма вызвал к жизни целый поток научной и околонучной мысли, подражательства, интерпретаций и дальнейшего «развития». При этом дискуссионному анализу, ревизии сама теория, ее категориальное ядро почему-то в должной мере не подвергаются. Поток интеллектуальных продуктов последователей-родоначальников теории постиндустриализма 70-х гг. XX в. слишком стал напоминать еще памятный поток интерпретаторов «всесильного» учения Маркса, которое в итоге получило и получает очень серьезную научную коррекцию в связи с новым анализом нового опыта человечества, опыта развития сложных социальных систем. Теорию постиндустриального общества также не стоит «обожествлять», а следует научным образом верифицировать.

Кроме того, поток последователей и интерпретаторов постиндустриализма далеко не ограничивается только «теоретическими» изысканиями. В современной России концепт

становится едва ли не новым «всесильным учением», которое, заменив марксизм-ленинизм, закладывается в основания практики государственной политики и управления социально-экономическим развитием страны.

Вот, например, как в 2011 г. отвечал на задачу, поставленную перед авторитетнейшими университетами страны (Высшая школа экономики и Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) Премьер-министром России о разработке стратегии развития страны до 2020 г., доклад, переданный в Правительство России: *«Новая модель роста предполагает ориентацию на постиндустриальную экономику – экономику завтрашнего дня»*. Получается, что теория постиндустриализма в России признана за достоверную и целесообразную для применения на практике.

Что действительно – истинность или ошибочность теории постиндустриального общества? Заблуждения или целенаправленность при практической ориентации на эту теорию, если выясняется, что она недостоверна и разрушительна?

Эти вопросы также составляют содержание поставленной авторами исследовательской задачи.

В методологическом отношении необходим еще один экскурс. Дело в том, что в «традиции» гуманитаристики – очень облегченное отношение к категориальной (дефиниционной) определенности. Человеческий язык, или терминологический ряд, довольно ограничен. Многие термины имеют многозначное смысловое наполнение. Практически все толковые словари и энциклопедии сталкиваются с многозначием термина, и выход тут только один. Однозначное понимание, или интерпретация, восприятие и использование смыслового содержания того или иного термина достижимо только локально, только в конкретном контексте поставленной задачи. Никакого результативного дискурса, обсуждения и использования гуманитарных достижений невозможно получить, если конвенционально не установлено единой смысловой интерпретации ключевых категорий.

В поле настоящей работы ключевых категорий не так много. Это префикс «пост-». Это «общество». Это «индустриализм». Это «постиндустриализм».

Разумеется, на когнитивном пути настоящего исследования появятся и иные сопряженные и подчиненные термины.

Прежде всего необходимо видеть, что понятие постиндустриального общества находится в ряду: аграрное общество, индустриальное общество, постиндустриальное общество. Недалеко от этого ряда находится похожий ряд: традиционное общество, модерн, постмодерн – с производными образованиями – общество модерна, постмодерна и т. д.

Входят в научную «моду» такие обороты, как «конец истории» и «постистория». «Постчеловек» и «постчеловечество». «Постфилософия» и «постантропология». И, вероятно, еще какие-то «пост-» уже изобретены и изобретаются.

Очевидно, что префикс «пост-» указывает на временную или историческую стадийность. «Нечто» – после чего-то. Ограниченность смыслового указания заключается в том, что претензия термина эквивалентна утверждению, что наступившее «пост-» – это «навсегда». Привязка тут только к прошлому. Уточняется, что «что-то после чего-то», но вовсе ничего не указывается по вопросу – на сколько по времени? Это только этап или действительно «навсегда»?

Разумеется, что существует понятие «смысловой нагрузки по умолчанию». Существует даже логика умолчания. Но в том-то и дело, что сам корневой выбранный термин, уклонившись от раскрытия или хотя бы указания или намека на это важное смысловое требование, указывает на некоторую теоретическую ограниченность и даже, зачастую, когнитивную технологическую нацеленность. Мгновенно возникает вопрос: а что может быть потом, когда наступит «постпост-»? Об этом концепт постиндустриализма умалчи-

вает. Формируются творческая недостаточность и неудовлетворенность, ощущение какой-то недоговоренности, недодуманности или даже манипулятивности.

Последовательность в ряду периодизации эволюции общества, очевидно увязанной с доминирующим способом общественного производства, неизбежно подводит к предположению, что после доминанты аграрного производства приходит доминанта промышленного производства, а затем – доминанта следующего поколения. И в чем же она заключается? Если это не аграрное производство, не индустриальное производство, то что же это может быть? В силу достаточно жесткой методологической логики невозможно выйти из коридора поиска доминанты человеческой деятельности в сфере производства. Если не аграрное и не промышленное, то только нематериальное производство, только услуги, сервис. Ничего иного нет.

Формируется логический вызов: а что, аграрное и промышленное производство должно исчезнуть, согласно навязываемой концептом постиндустриализма логике стадильности развития? Но что тогда человечество будет кушать, где жить, на чем перемещаться, чем обогреться, во что одеваться, чем лечиться? Почему вдруг на некоторой стадии развития должны исчезнуть сферы и продукты материального производства?

Проведем еще один мысленный эксперимент для логической проверки концепта постиндустриализма. Если все до одного человека (предел доминантности в методологии стадильного построения) займется сервисом, то откуда возьмутся материальные блага, которые всегда будут нужны человеку? Вновь возникает ощущение категориальной недоговоренности обсуждаемого концепта или какой-то его специфической заданности и целенаправленности.

В любом случае, неотъемлемым категориальным содержанием концепта является обстоятельство временной изменчивости и стадильной типологизации этой изменчивости в глобальной истории и футурологии человечества.

Итак, концепт постиндустриализма основан на представлении о доминирующей форме общественного производства. Ее объективные характеристики определяются во временной динамике в пространстве трех (как минимум) измеримых параметров. Авторы отталкиваются от методологического требования, заключающегося в том, что аргументация должна апеллировать не к вкусовым ощущениям или «мнениям», а к измеримым (мерным) показателям. К их числу в данном случае относятся три меры.

Во-первых, занятость в аграрной, индустриальной и сервисной сферах.

Во-вторых, выпуск (объемы производимой продукции) в этих сферах.

В-третьих, кроме временной динамики указанных показателей должна анализироваться еще и пространственная (в географическом смысле) изменчивость.

На рис. В. 2 показано, что если игнорировать пространственные (географические) распределения секторов производства, то только из одного наблюдения стадильности (сечение при $S=0$) неизбежно вытекает предписанность универсального пути развития всех стран по образу и подобию якобы наиболее «прогрессивных», т. е. ранее других успевших достигнуть новейших кондиций. Таким образом формируется механизм давления, искусственного предписания поведения других стран со стороны «прогрессивной» страны.

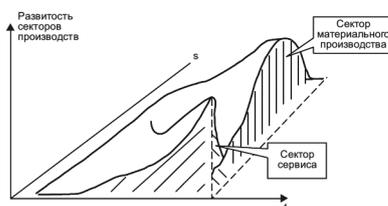

Рис. В.2. Пространственно-временная динамика секторов производства в мире в целом (S – пространственная «географическая» координата)

На рис. В. 2 видно, что если рассматривать только временную изменчивость секторального распределения производства в одной стране (игнорируя пространственные вариации развития), то выводы об универсальности такого пути развития могут быть ложными.

Поставленный выше логический вопрос – «если все занимаются сервисом, то откуда берутся материальные блага?» – ответа не получает. Значит и объяснительная модель постиндустриализма проверки на логическую достоверность не выдерживает.

Но возможна иная объяснительная модель. Ряд стран перераспределяют свои национальные потенциалы в пространстве, выводя некоторые из них в иные государства. При этом оставляя себе сверхприбыльные, экологически не нагруженные производства. Оставляя себе паразитические (не труд, а рента) формы присвоения благ и выводя вовне трудовые сферы с ограниченной доходностью. Происходит своеобразная концентрация паразитизма в форме материальной эксплуатации внешних по отношению к якобы наиболее «передовым» странам.

Важно специально подчеркнуть, что термин «паразитизм» в данном контексте не содержит моральной оценки, используется не в публицистическом смысле, а в буквальном, прямом. Паразитизм – это существование форм жизни за счет других². Социальная форма жизни позволяет использовать аналогию биологического паразитизма. Термин «паразитизм» в контексте настоящего исследования описывает нетрудовой источник права на потребление (присвоение) благ. Например, через необоснованно завышенную, относительно оплаты трудовых затрат финансиста или банкира, учетную кредитную ставку. Или через присвоенную природную ренту, ренту на производственный капитал. Или через бесконтрольную эмиссию необеспеченной валюты (Федеральная резервная система США).

Выдается же все это за безусловную стадиальность развития, прогрессивность, действия передового характера. Отсюда может реконструироваться возможный мотив организации и операции информационного прикрытия – «концепта постиндустриализма». «Возможный» потому, что это гипотеза, выдвинутая для ее исследования. Речь идет о современном неокOLONIALИЗМЕ. Мировой колониализм уходит от форм XIX – XX вв., мимикрирует, преобразуется. В качестве гипотезы не выглядит невероятным утверждение, что постиндустриальное общество – это не грядущая для всех стран мира стадия развития, а возможно – применение не вполне достоверной научной теории в целях манипуляции и в интересах определенных бенефициаров.

Современная Россия де-факто следует соответствующим представлениям, деиндустриализуя себя и снижая свой государственный, геополитический и геоэкономический потенциал. На рис. В. 3 показано, как меняется ее геополитический потенциал, рассчитанный в работах по математическому моделированию развития³.

² Паразитизм (от др. – греч. *παράσιτος* – «нахлебник») – один из видов сосуществования организмов. Это явление, при котором два и более организма, не связанные между собой филогенетически, генетически разнородны, сосуществуют в течение продолжительного периода времени, при этом они находятся в антагонистических отношениях. Паразит использует хозяина как источник питания, среду обитания.

³ Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков С.Ю., Малков А.Ю. Математическое моделирование геополитических процессов // Стратегическая стабильность. № 1, 2002; Коняхин Б.А., Подкорытов Ю.А., Винокуров Г.Н. Методический подход к исследованию некоторых аспектов глобальной стратегической стабильности на основе математического моделирования динамики геополитических статусов государств // Стратегическая стабильность. № 1, 2006.

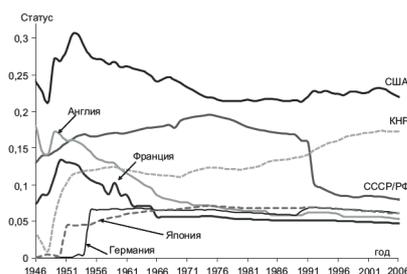

Рис. В.3. Геополитическая мощь стран мира. Стремящаяся в «постиндустриализм» Россия утрачивает потенциал своей геополитической субъектности

Модель постиндустриализма не проходит проверку как грядущий во времени образец для всего мира. Зато логика информационного прикрытия неокOLONиализма – налицо. Чем эта ситуация отличается от мировых информационных кампаний о СОИ – звездных войнах? От концепта универсальности и прогрессивности демократии и прав и свобод человека, которые насаждаются в том числе с помощью бомб и подрывных спецопераций, например, в арабском мире? От навязываемых представлений о мировом исламском терроризме и войне цивилизаций?

За ширмой при использовании информационных трюков скрывается глобальная трансформация социального паразитизма. Конфликт кроется в противостоянии паразитизма и труда. Посмотрим в этом плане на глобальную историю человечества (рис. В. 4).

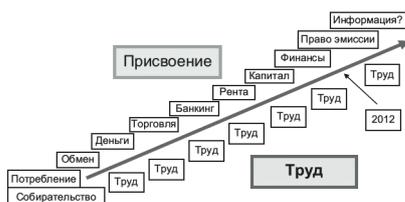

Рис. В.4. Трансформация конкретно-исторического воплощения социального паразитизма в противостоянии: трудовое и нетрудовое происхождение права на получение благ

На этом рисунке показано, как разделились труд и потребление. Возник первый «сервис» – обмены и торговля. Затем – деньги, банкинг и ростовщичество. Затем – эмиссия бумажных и электронных денег. Затем – эмиссия просто бумаг (типа деривативов и депозитарных расписок). Общее во всех этих трансформациях заключается в том, что одни производят материальные и нематериальные блага, а другие, не производя ничего, ими пользуются. Труд – против присвоения. Труд – против ренты. Практически все религии издревле уловили и осудили это противостояние, призывая к нестяжанию и праведному потреблению благ.

На современном этапе рента снимается не только с производственного капитала, как это было во времена и в рамках марксовской теории эксплуатации. Даже уже не только с финансового капитала, но и с уже присвоенного права эмиссии денег и ценных бумаг. Причем такое право приобрело планетарный масштаб воплощения в виде Федеральной резервной системы США и мировой долларовой валютной системы. Доходность этого механизма для страны-эмитента, эксплуатирующей весь мир, – 250 000 %. Такой «бизнес» стимулирует усилия всякого рода по его воспроизводству и поддержке. Вплоть до генерации и инспирирования глобальных массовых заблуждений, включая ложные научные теории.

Можно предположить и футуроСтадии развития подобного паразитизма.

Кому же приятно подпадать под паразитическую эксплуатацию? Может возникнуть и сопротивление. Социальные революции научили приверженцев ренты многому. Именно поэтому не только принуждение и подавление стали оружием охраны рентной эксплуатации, но еще и манипуляция сознанием.

Создается информационное прикрытие. В том числе в сфере псевдонаучных теорий. Не всегда сами ученые несут ответственность за использование их трудов – как достоверных, так и ошибочных. В дело вступают политики. А для них важна не истина, а результат. Особенно когда речь идет о противостоянии государств.

Для оправдания полицейской охранной системы мирового паразитизма придумывается симулякр терроризма и создаются мировые военно-политические механизмы поддержания паразитической глобальной системы. Для восстановления доходности паразитарных схем организуются финансовые кризисы.

Анализ количественных показателей динамики занятости и выпуска по трем секторам деятельности человечества может наглядно вскрыть истинные тенденции и степень достоверности теории постиндустриализма.

Важно договориться, что понимается в исследуемом контексте под «обществом». Под сервисом. Индустриализмом, аграрностью.

«Общество» – очень широко употребляемый в гуманитаристике термин. И он довольно уязвим с точки зрения своей многозначности. «Мне неприятно его общество». «Общество любителей пива». «Присутствующее на собрании общество». «Российское общество». «Человеческое общество». «Гражданское общество». «Информационное общество». «Открытое общество».

Существует много контекстов и разных смыслов употребления одного и того же термина. Очевидно, что потенциал его манипулятивного употребления достаточно высок. Если ставится задача информационного размытия смыслов, подмены понятий, запутывания и имитирования содержания – а все это приемы манипуляции сознанием, – то чем многозначнее термин, тем лучше для манипуляторов.

Попробуем себе представить, что такое аграрное общество. Или традиционное общество. Это речь о жителях села, аграрных работниках? Очевидно, нет. Это речь об обществе, чтящем традиции? А разве бывают общества без традиций, воплощенных хотя бы в виде культурного закрепления? О чем же, о каком смысловом наполнении термина «общество» идет речь в теории постиндустриализма?

Главная, конечно, смысловая манипуляция усматривается в апелляции к стадияльности развития. Есть известная типология: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, буржуазная (капиталистическая), коммунистическая общественно-экономическая формация. Здесь тоже стадийная стратификация развития и тоже разговор на языке общества.

В теории постиндустриализма предлагается: аграрное – индустриальное – постиндустриальное. И тоже общество. Аналогия вполне очевидна. Следует вывод, что термин «общество» в этом контексте употребляется весьма релятивистично. Какое-то общество в прямом смысле слова (как совокупность людей, объединенных каким-то признаком) при этом не имеется в виду. Общество представляется как бессубъектная категория. Речь идет об «этапном состоянии человечества», о его отдельных доминирующих характеристиках. Прежде всего в сфере занятости и производства в секторной дифференциации. Уберите термин «общество» из контекста теории постиндустриализма. Может быть, что-то изменилось, возникла какая-то невосполнимая методологическая утрата? Совершенно нет.

Поэтому, конечно, не социологией состояния общества в прямом смысле и значении этого термина занимается теория постиндустриализма. Ее предмет какой-то иной. В чем же он состоит? Логический смысловой поиск ведет к пониманию, что речь идет не об обще-

стве, а об устройстве мира человечества. И уже совсем маленький логический шаг требуется совершить, чтобы увидеть: разговор об устройстве мира не может быть оторван от интересов субъектов-разработчиков теории. Мир обустроивается не абстрактно. Мир разнороден. Многосубъектен. Интересы различны и конфликтуют друг с другом. Ресурсы ограничены и за них ведется борьба. Одни выигрывают, другие проигрывают. Одни трудятся и создают блага. Другие паразитируют и живут на ренту.

Гипотетически вполне возможно увидеть бенефициаров использования теории постиндустриализма, а также наднаучный, манипулятивный, идеологический потенциал «теории», подаваемой под видом научного концепта.

Установить истинные пропорции искренних заблуждений, при следовании недостаточно достоверной теории и умышленном ее применении и эксплуатации как инструмента информационной войны, а также поддержки неокOLONиального устройства современного мира, достаточно трудно. Но авторы поставили перед собой задачу, в том числе, активировать сознание тех, кто в состоянии переосмыслить добросовестные заблуждения. Или хотя бы засомневаться и самому проделать тот путь, которым прошли авторы в процессе этого исследования.

Вместе с тем, чтобы разобраться с постиндустриализмом социологический анализ общества в мировом измерении и в измерении национальных государств, конечно, необходим. Тут речь идет о вполне прозрачном исследовании отраслевой структуры занятости в сельскохозяйственном, промышленном секторе и в сектора сервиса.

Важна еще одна оговорка. Что входит в понятие «сервис»? Бытовые услуги? Да. Наука и иная интеллектуальная (например, консультационная) деятельность? Да. Различные нематериальные производства интеллектуального продукта? Да.

Но главное здесь (хотя бы по объемам оборота) – торговля, банкинг, финансы. Та самая сфера, в которой человечество всегда стояло перед искушением: либо трудом и праведно получаешь благо, либо эксплуатацией соседа.

Под вывеской сервиса и происходит этот водораздел, именно здесь возникает столкновение двух образов жизни – трудового и паразитического. Нетрудно представить себе степень мотивации в стремлении увековечить паразитический порядок вещей. Нетрудно представить себе степень цинизма и преступности в этом устремлении. Нетрудно представить себе уровень ресурсов, которые бросаются на увековечение, трансформацию, осовременивание механизмов воплощения паразитизма. Нетрудно представить себе возможности мобилизации, покупки для этого выдающихся умов, целенаправленного построения мировых механизмов манипуляции и силового охранительства паразитизма. Игра для бенефициаров мирового паразитизма стоит свеч.

И тем важнее под искусственными информационными оболочками видеть суть.

Некоторые методологические вводимые

Таким образом, в исследовании поставлены конкретные задачи анализа категориального, структурно-динамического, политического, манипулятивного и управленческого содержания, объяснительного и прогностического потенциала категории постиндустриального общества. Все необходимые оговорки, приведенные выше, при этом постоянно придется помнить и иметь в виду.

Теория постиндустриального общества, основателем которой считается Д. Белл, начиная с 60-х гг. XX в., получила широкую разработку в западной науке. Любопытно, что в то же самое время в США разрабатывался глобальный дезинформационный концепт СОИ – звездных войн. Создавались фильмы о звездных войнах. Велись (или имитировались) дорогостоящие научно-технологические исследования. Создавались образы национальных супер-программ масштаба проекта разработки атомного оружия «Манхэттен». Такое временное совпадение весьма интересно.

В последующие десятилетия выдвинут ряд новых интерпретаций теории постиндустриального общества, ведутся дискуссии относительно сущности и перспектив постиндустриального общества, однако в целом концепция постиндустриализма признана на Западе в качестве мейнстрима развития общества. Вместе с тем, сам Д. Белл отмечал в своей методологии экстраполяционный подход: «Вместо создания глобальной теории я оперирую тенденциями и пытаюсь исследовать их смысл и последствия, если рассматриваемые изменения в общественной структуре достигнут своих логических пределов»⁴.

Согласно постиндустриальной теории, общество, независимо от политических систем и культур, неизбежно в своем развитии последовательно проходит одинаковые фазы, критерий которых заключается в технологических аспектах организации общественного производства: аграрную (господствует первичный сектор производства), индустриальную (приоритет вторичного промышленного сектора производства) и постиндустриальную (приоритет сектора сервиса/услуг). Принцип доминирования определенного сектора производства определяет степень развитости и провозглашаемый тип того или иного общества.

Д. Белл выделяет пять основных критериев определения постиндустриального общества:

- экономическая деятельность смещается от производства товаров к производству услуг;
- увеличивается доля квалифицированных видов труда;
- источником производительности и роста становится знание;
- увеличивается возможность планирования и контроля технологического роста;
- происходит расцвет интеллектуальной технологии.

Однако легко видеть, что эти критерии имеют место на протяжении всей истории человечества. Темпы технического и технологического прогресса ускоряются, но это иное явление – ускорения развития, сжатия исторического времени. Оно объективно и могло бы исследоваться, но очевидно, что место этого предмета находится вне рамок теории постиндустриализма.

По сути, постиндустриальное общество – это самоназвание современного Запада. Это достаточно широкое рамочное понятие, объединяющее в себе такое количество концепций, что некоторые из них опровергают сами основы постулатов, выдвинутых Д. Беллом⁵. Безоговорочное употребление этого понятия неизбежно вызывает терминологическую путаницу.

⁴ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.

⁵ См. раздел 1.2. Школы и направления постиндустриализма.

С одной стороны, постиндустриальное общество – это вполне конкретная теория о развитии общественных систем; с другой – это совокупность представлений о будущем, которое также именуется постиндустриальным обществом. Можно говорить о том, что этим понятием обозначают тип того жизнеустройства, которое должно сложиться в будущем, совокупность перемен, происходящих после или на поздней стадии индустриальной цивилизации, привычное имя которой, к слову, тоже есть изобретенное философами самоназвание.

Таким образом, постиндустриальное общество – это то, что рано или поздно ждет человечество в будущем (или в настоящем, с учетом сорокалетней давности разработки концепции). Отсюда и большое количество, помимо тех концепций, в которых будущее общество также именуется постиндустриальным, производных от постиндустриального общества модификаций наименований устройства общества будущего: посткапиталистическое, постэкономическое, постбуржуазное, пострыночное, посттрадиционное, постисторическое общество, программированное общество, постмодерн, информационное общество, общество знания и др. Показательно, что почти во всех терминах, обозначающих главную суть будущего общества, присутствует префикс «пост-». Это выражает неразрывную генетическую связь с породившим его прошлым и неопределенность еще не оформленного, но уже осязаемого грядущего.

Можно ли в такой постановке анализировать на предмет состоятельности концепт «постиндустриального общества»? По сути, критика концепции постиндустриализма в широком понимании означала бы критику наступления будущего и несогласие с тем, что в мире происходят изменения.

А они действительно происходят, спорить с этим было бы опрометчиво. Отметим только несколько новых состояний западного общества, которые позволяют говорить о его трансформации в направлении некоторого нового состояния, заслуживающего особого имени, каковым в самом общем виде и стал маркер «постиндустриализм».

Прежде всего меняется ощущение пространства и времени, двух фундаментальных универсалий мироощущения. Пространство глобализуется в степени, несопоставимой с тем, что наблюдалось полвека назад. Сейчас практически все регионы мира информационно взаимодействуют друг с другом. Это, к слову, резко обостряет проблему культурной идентичности местных общностей, чего не предполагал проект Просвещения, заложивший мировоззренческую основу индустриализма. «Бунтующая этничность», как и «антиглобализм», – явления нового общества.

Время становится нелинейным – оно ускоряется и тоже неравномерно, рывками. В социальном времени образуются провалы – «стирается» коллективная память. Изменения социальных структур резко ускоряются и становятся трудно предсказуемыми – они утрачивают устойчивую логику и рациональное целеполагание, из-за чего образ даже ближайшего будущего становится неопределенным. Люди живут, как кочевники, и не строят длительных жизненных планов. Это порождает аномию – разрыв человеческих связей и утрату чувства взаимной ответственности. Начинается «эпоха слабых связей». Жизненный путь личности вырван из «цепи времен» и почти не связан с преемственностью поколений. Традиционные ориентиры и «опыт стариков» мало помогают в преодолении жизненных трудностей и кризисов.

Человеческие сообщества становятся «краткоживущими», а социальная структура – размытой. Утрачивает смысл понятие классов. Как отмечает социолог Э. Гидденс, мир не просто быстро меняется, но становится «ускользающим»⁶, обретает необычную динамику. Изменяются и общественные институты, и их функции, и люди, включая их поведение и сознание. Поэтому и вся динамика общества становится нелинейной. Происходят наруше-

⁶ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.

ния структурно-функциональной целостности. Все это в разной мере мы наблюдаем и на Западе, и в России, причем в России нередко в тяжелой форме, усиленной длительным системным кризисом.

Появляются социальные формы, которых вообще не было и даже не могло быть в прошлом. Современная мировая экономика привязана к «электронным деньгам», которые не имеют аналогов в прошлом. Общая неопределенность и «неуловимость» изменений порождает качественно новые, непривычные риски. Как говорят, новое общество есть общество риска. Защититься от этих рисков и угроз очень трудно. Нет для этого надежного знания и определенных правил.

Это меняет и всю политическую систему, которая в индустриальном обществе опиралась на инерционную классовую солидарность и ее предсказуемую рациональность. Социолог П. Бурдьё объясняет это крахом доверия и угасанием тяги к политическим объединениям и коллективным действиям. Политические партии утратили способность прогнозировать будущее и объединять людей общим проектом – их программы сиюминутны и не имеют стержня фундаментальных истин.

Социологи указывают еще на одно значимое изменение общества – изменение смысла категории труда. Эта категория в привычном виде возникла в Новое время, когда была изобретена стоимость – невидимая «субстанция», позволяющая соизмерять ценность качественно разных вещей. В основу политической экономии как философского и научного объяснения индустриального хозяйства Запада была положена трудовая теория стоимости. Стоимость любой вещи (товара) измерялась стоимостью затраченного на ее создание труда, а труд становился товаром-эталоном. Эта мера поддерживалась куплей-продажей труда на капиталистическом предприятии. Система требовала стабильности и предприятия, и отношений труда и капитала. Сейчас эта система оказалась резко разбалансированной.

Сегодня капитал перемещается по всему миру в поисках дешевой и покладистой рабочей силы, бросая предприятия у себя на родине или завозя туда иммигрантов и разрушая стабильные рынки труда⁷.

Появились новые технологии, позволяющие заменить прежнего квалифицированного рабочего, расчленив большое предприятие на множество малых, разбросанных по всему свету, что лишило рабочих возможности коллективных действий⁸. Это меняет общество в главном виде деятельности большинства – труде.

Как замечает Э. Гидденс, новая динамика общества трансформирует семью и, шире, интимные стороны жизни человека. Даже сексуальность становится «свободно плавающей, ...доступной для развития различных вариантов жизненных стилей»⁹. Браки становятся краткосрочными, множество людей сходятся и расходятся без всяких браков, резко возрастает число «неполных» семей. И эта часть жизни становится «текучей» и неопределенной.

Все эти взаимосвязанные изменения можно перечислять, переходя от одной сферы жизнедеятельности к другой, но корни этих изменений все больше обнажаются. Возникает образ многосторонней трансформации как целостной системы, которая не исчерпывается изменением только в трех секторах производства. Вопрос в том, можно ли считать эти изменения достаточными для констатации перехода общества в качественно новую фазу бытия, а данную трансформацию – ориентиром развития для всего остального мира?

Собственно теория постиндустриального общества в узком понимании является представлением о происходящих изменениях, где акцентируется отзвук экономизма западного общества Нового времени (капитализма). На первый план выводится образ экономического

⁷ Бауман З. Возвышение и упадок труда. СОЦИС. 2004, № 5.

⁸ Там же.

⁹ Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004.

устройства. Й. Шумпетер писал: «Буржуазное общество выступает исключительно в экономическом обличье, как его фундаментальные черты, так и его поверхностные признаки – все они сотканы из экономического материала»¹⁰. В этом смысле анализ категории постиндустриализма представляется весьма продуктивным.

Из изложенного смыслового наполнения маркера «постиндустриализм» вытекают два возможных исследовательских подхода. Первый заключается в анализе теории постиндустриального общества, заложенной Д. Беллом, и ее наиболее близких модификаций, акцентированных на стадильно-отраслевом (секторальном) подходе как критерии развития общества и детерминанты будущих изменений. Пространством анализа здесь выступают отраслевая структура общественного производства (на предмет определяющей роли третичного сектора сервиса) и отраслевая структура занятости (на предмет возрастания доли занятости в секторе сервиса) как наиболее характерные признаки перехода к новому обществу (рис. В. 5).

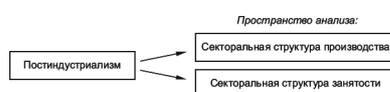

Рис. В.5. Пространство анализа стадильно-секторального подхода к трансформации общественных систем

Особое внимание здесь должно быть уделено проверке фундаментального положения теории постиндустриального общества об исторической периодизации типов технологического уклада общественного производства (рис. В. 6). И прежде всего – проверке в отношении универсальности указанного стадильного подхода и его критериев для классификации стран и регионов современного мира на предмет развитости.

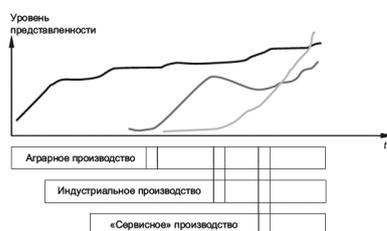
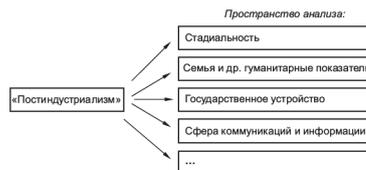

Рис. В.6. Историческая периодизация технологических типов производства в теории постиндустриального общества

Пространство анализа изменений общества, условно объединяемое под маркером «постиндустриализм», может быть наполнено гораздо более широким содержанием, отражающим весь спектр изменений общественной жизни (рис. В. 7).

¹⁰ Цит. по: *Иноземцев В.* За предел экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998.

Рис. В.7. Смысловое наполнение изменения жизнеосуществления общественной системы

Вместе с тем, расширение набора исследовательских характеристик было бы уходом от постиндустриализма в классическом содержании этой теории. Это был бы вопрос общей теории эволюции человечества как социальной системы максимального масштаба. Это другая и совершенно самостоятельная постановка научной задачи.

Актуальность выбранного авторами подхода обуславливается очевидной необходимостью верификации теории постиндустриального общества, во-первых, применительно к кризису современной России, ориентиром выхода из которого неолиберальной группировке видится путь в «сервисное общество». Во-вторых, авторы ставят цель проверить гипотезу о манипулятивном идеологическом компоненте теории.

Поясним исследовательский замысел. Теория стадийности прочно вошла в современную науку. Она является частью формационного подхода, который, наряду с цивилизационным, доминирует в объяснениях многообразия типов общества и причин перехода от одного типа к другому (табл. В. 1).

Таблица В. 1

Различия формационного и цивилизационного подходов к исторической периодизации и эволюции обществ

Критерии	Формационный подход	Цивилизационный подход
Длительные тенденции в истории общества	Развитие — качественное фронтальное совершенствование	Развитие пространственно-вариативно
Основные общественные системы	Последовательно сменяющие друг друга формации	Сосуществующие цивилизации с соответствующим уровнем развития
Определяющие черты общественной системы	Организация материального производства	Наборы и эволюция мотивирующих поведение человека ценностей
Пути развития мирового общества	Существование главного («магистрального») пути развития	Возможность равноспешных вариаций пути развития
Сравнение общественных систем друг с другом	Одни формации лучше (прогрессивнее) других	Разные цивилизации принципиально равноценны
Влияние общественных систем друг на друга	Более развитая формация уничтожает менее развитые	Цивилизации сосуществуют

Теоретические концепты постиндустриализма, реализуемые в рамках стадийного (формационного) подхода, связаны прежде всего с изменчивостью во времени (рис. В. 8).

Рис. В. 8. Появление во времени новых подсистем общественных систем

Однако в географическом пространстве также происходят изменения. На первоначальном этапе человечество было гомогенно. Осуществляя экспансию в пространстве, человечество начинает расслаиваться. В современном мире некоторые общества «застыли в развитии», некоторые развиваются динамично. В классических стадийных концепциях анализ ведется только во временном аспекте, разница в пространственном распределении систем жизнеосуществления не учитывается. Отсюда проистекает тезис о существовании «магистрального» пути развития, неизбежного для всего мира. Применительно к теории постиндустриального общества можно отметить, что при ее доказательстве исследователи не

учитывают географическую и цивилизационную компоненты пространственно-временного континуума развития человечества. Беря в расчет только страны западного ареала, они делают выводы об общемировых закономерностях развития. Причины такой ограниченности не вполне ясны, к их числу могут быть отнесены как недостаточность эмпирической базы в период выдвижения теории постиндустриализма, так и сознательные умолчания в манипулятивных целях.

Подчеркнем, что при рассмотрении пространственной «оси» в анализ автоматически вводится цивилизационная координата вариативности. Только нужно помнить, что цивилизации в этом случае рассматриваются как локальные, а не как стадийные институты. То есть фактически пространство рассмотрения становится трехмерным: время, пространство, цивилизационная вариативность¹¹.

Разница в пространственном различии систем жизнеосуществления сводится к субъект-субъектному взаимодействию. И в случае, когда более прогрессивный субъект навязывает «отстающему» свою модель развития, возникает момент паразитирования (кто за счет кого начинает жить). Страны Запада, наиболее близкие к «постиндустриальному» моменту развития, находятся в этом контексте в наиболее активном положении. Причем заметно, как в истории были очень четко сформированы отношения именно этого типа. Противостояние цивилизация – варварство. Рабовладение в новое время: миллионы африканских рабов, вывезенных в США. Расизм и нацизм. Колониализм. Наконец, современная фаза – неоколониализм. В рамках этой фазы просматривается активная общественная роль теории постиндустриализма.

Если первичный колониализм опирался на прямую военную силу и принуждение, то в современности он трансформировался на пути акцентировки именно третьего сектора – мировой системы финансов, основанной на доминировании доллара. Экспорт страной-эмитентом очень своеобразного товара, а именно – доллара, приносит ей доходность в сотни тысяч процентов! Это ли не паразитирование и эксплуатация всего мира, пользующегося долларом?¹² Это ли не причина изобретать подходящие теории и доктрины и манипулировать сознанием всего мира и национальных элит, включая российскую?

Именно поэтому в исследовании используется следующий теоретико-методологический посыл. Нельзя ограничиваться только временной осью при анализе эволюции человечества, замыкаясь при этом на стадийности развития. Необходимо добавлять пространственную и цивилизационную координаты, которые порождают необходимость представления мира и развития в субъект-субъектном отношении. Вводя пространственный компонент анализа, можно предложить более мерные (в смысле количества измерений в анализе) смысловые карты.

Таким образом, основными задачами исследования являются:

- анализ теории постиндустриального общества, предпосылок и истории ее становления, основных течений и школ;
- изучение динамики секторальной структуры производства и занятости в различных странах, переосмысление структуры статистических данных;
- анализ на основе статистических данных пространственно-временной динамики различных типов структуры обществ;
- вскрытие манипулятивных и идеологических компонентов категории постиндустриального общества и ее употребления в качестве прикрытия современного неоколониализма;

¹¹ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. М.: Научный эксперт, 2008.

¹² Якунин В.И. Лекция в Лондонской школе экономики 17 февраля 2009 г. М.: Научный эксперт, 2009.

– оценка перспектив социально-экономического развития России в контексте теории постиндустриального общества.

Авторам представляется, что при решении поставленных задач в ходе исследования получены убедительные результаты, подтверждающие выдвинутые гипотезы.

Глава I. Генезис постиндустриализма

1.1. К истории теории постиндустриального общества

Новое время – особая эпоха в истории человечества. Начало ей положила мега-революция, которая произошла в Западной Европе. Это была система взаимодействующих революций – религиозной (Реформация), Научной, Промышленной и ряда политических. Каждая из этих революций кардинально изменила какую-то сторону бытия европейских народов, а все они в совокупности произвели огромную мутацию в культуре, хозяйстве и национально-государственных системах. Это – эпоха индустриальной цивилизации, «вторая волна», оттеснившая предыдущую, аграрную цивилизацию и присущие ей мировоззренческие, хозяйственные и политические структуры.

Термином «индустриализм», как и термином «постиндустриализм», обозначают в разных контекстах и цивилизационные признаки этой эпохи, и уклад (экономический и технологический), господствующий в странах, прошедших индустриализацию, и тип общества и быта людей, и разные варианты легитимирующих индустриальное общество идеологий.

С начала XX в. индустриальная цивилизация втягивается в глубокий кризис. Выражением его стала череда революций в аграрных странах, непредусмотренных в социальных учениях индустриализма. Затем произошла Мировая война, за которой последовал тяжелый экономический кризис и невероятный «припадок» фашизма в самой метрополии индустриальной Европы, который привел к еще более тяжелой Мировой войне.

Во второй половине XX в. кризис эпохи индустриализма приобрел черты системного кризиса, что побудило западных философов, культурологов и социологов к интенсивным изысканиям. Была выдвинута идея об исчерпании потенциала индустриализма и наступлении некоего нового этапа, самоназванием для которого в самом общем виде стал постиндустриализм. Очевидно, что значение самоназвания важно для любого общества. Чтобы ставить вопрос о форсированной перестройке общества и присвоении ему нового особого обозначения, требовались чрезвычайные мотивы, вызванные достижением некоторой критической точки в развитии. Приближение этой критической точки в развитии цивилизации ощущалось с начала XX в.

Основания кризиса были изначально заложены в мировоззренческую структуру индустриальной цивилизации и заключались в том, что биосфера Земли, развитие которой ограничено физическими условиями планеты, с появлением человека сосуществует с техносферой, развитие которой, как считалось, ничем не ограничено. Идеи свободы и неограниченного прогресса приобрели почти религиозный характер. В этих условиях мощность техносферы очень быстро, по историческим меркам, достигла того критического уровня, при котором техногенная нагрузка на биосферу стала приближаться к пределу возможностей ее регенерации.

Система индустриального общества оказалась неадекватной фундаментальным ограничениям – в ней отсутствовали блоки и механизмы, гармонизирующие сосуществование одинаково необходимых для жизни сфер. Как предупредил в начале XX в. В.И. Вернадский, человек действует здесь не как *Homo sapiens*, а как *Homo sapiens faber*. Чтобы общественное сознание, преломленное во всех сторонах деятельности человека, смогло без тотальной катастрофы разрешить это глобальное противоречие, требуются принципиальные изменения, что и побудило ставить вопрос о строительстве «постиндустриального общества». В.И. Вернадский предвидел это как неизбежный «переход техносферы в ноосферу».

Философские поиски привели к выводу о завершении цикла индустриальной эпохи и сложившегося в ней типа общества. Поскольку первопроходцем и главным выгодополучателем индустриализма была локальная цивилизация, условно называемая Западом, она первая осознала неизбежность перестройки своего цивилизационного уклада (прежде всего отказа от универсализма Просвещения и демократического идеала ввиду невозможности распространить западный образ жизни на все человечество из-за ограниченности невозобновляемых ресурсов). Поэтому именно на Западе развернулись дебаты относительно того жизненного устройства, которое возможно и желаемо по завершении эпохи индустриализма.

Почти во всех терминах, обозначающих в этих дебатах главную суть будущего общества, которое проектировалось для Запада, присутствовал, как уже отмечалось, префикс «пост-». Общество начала XXI в. называли постбуржуазным, посткапиталистическим, постэкономическим, постмодернистским, постцивилизационным, постисторическим и даже постпротестантским. Общим же для всех определений является представление о постиндустриальном обществе.

В своем обзоре предложенных терминов У. Дайзард отмечает: «Общая приставка этих терминов отдает каким-то осенним чувством увядания, свойственным нашему веку, – ощущением конца. Действительно, ни Белл, ни другие футурологи не смогли дать сколь-нибудь убедительной картины будущего»¹³.

Да, именно чувство увядания сложившегося типа общества заставило интенсивно изучать и осмысливать его главные структуры, установки, духовные матрицы. Сама приставка «пост-» указывает на неопределенность выбора на распутье, она открывает возможность множества сценариев. В самосознании Запада, таким образом, происходят глубокие сдвиги, массы людей ощущают себя в ситуации исторического выбора. Это – важный когнитивный сдвиг, который неизбежно приведет к сдвигам в установках массового сознания и в политической практике. И игнорировать это явление ни в коем случае нельзя.

Признанным отцом постиндустриальной концепции считается Д. Белл, сформулировавший в своих трудах выводы о тенденциях мирового развития в виде систематизированной схемы, которая и составляет стержень сегодняшней теории постиндустриального общества. Однако основания этой теории возникли в социологии задолго до появления самого термина «постиндустриализм» и острых кризисных проявлений в западном обществе в первой половине XX столетия.

Первый блок в фундаменте этой теории был заложен институциональным подходом в политической экономии, предположившим, что доминирующий принцип периодизации истории общественного развития по оценке классовой структуры может быть дополнен или даже замещен новым подходом, учитывающим исследование технологических аспектов организации общественного производства¹⁴. В теории Т. Веблена была предпринята попытка объединить анализ промышленной системы с изучением институциональной структуры общества (когда пришло понимание того, что смитовский «человек экономический» – это слишком упрощенное понимание человека). Именно тогда была выдвинута идея о закономерности хозяйственного развития в любой стране, вне зависимости от ее политической и культурной систем.

Собственно значение институциональной концепции для становления постиндустриальной теории заключалось прежде всего в том, что идея стадий технологической эволюции слилась с эволюцией социума. Было провозглашено, что страны на разных континентах проходят одинаковые фазы в своем развитии, и критерий этих фаз находится в организации общественного производства. Таким образом, была осуществлена трансформация теории К.

¹³ Дайзард У. Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986.

¹⁴ Бутаев В.Б. Постиндустриальное общество: особенности и критерии. М.: Спутник+, 2003.

Маркса о последовательной смене общественно-экономических формаций. Акцент переместился от классовой составляющей на доминирование технологических аспектов организации общественного производства в исторической периодизации, хотя в своей сути стадийность перекочевала и в новую теорию.

Уже в конце 1940-х гг. в работах американского экономиста К. Кларка «Экономика в 1960 году» и французского социолога Ж. Фурастье «Великая надежда XX века» был сформулирован важнейший методологический принцип будущей теории постиндустриального общества, а именно – разделение общественного производства на три сектора: первичный (аграрный), вторичный (промышленный или индустрия) и третичный (сервисный сектор или сектор услуг).

Вторым важным методологическим принципом стал тезис о том, что при экономическом росте значение третичного сектора по сравнению с первичным и вторичным возрастает. Согласно выводам этих ученых, растущее значение сферы услуг находит свое значение в двух аспектах: во-первых, в росте доли третичного сектора в совокупной рабочей силе страны; и, во-вторых, в увеличении его доли в структуре ВВП. Иными словами, эти ученые заложили еще один массивный блок в фундамент теории постиндустриального общества. Теперь принцип доминирования технологических аспектов организации общественного производства над оценкой классовой структуры оказался распространенным не только на историческую периодизацию, но и на конкретный анализ экономического развития современных обществ¹⁵. Таким образом, элементы «колониализма» были заложены в самом фундаменте новой теории, разделяющей общества и страны на высшие и низшие, причем с обязательным универсальным путем развития отсталых стран по пути развитых.

К 50-м гг. XX в. на базе именно этих двух положений был осуществлен синтез различных подходов к оценке состояния социума, давший начало теории постиндустриального общества. К периоду конца 1950-х – начала 1960-х гг. можно отнести момент рождения образа будущего мира, ставшего мировоззренческой базой постиндустриального подхода в западной социологии. Именно тогда социологи США и Европы утвердились в выводе, что никакие политические, идеологические и социальные различия в современных условиях не могут считаться более важными, чем фактор технологического прогресса.

В 1960-е гг. распространяется и популяризируется само понятие «постиндустриализм», а внимание к технике и ее влиянию на социальную сферу обостряется. Именно к этому периоду относятся лекции Д. Белла в Зальцбурге, в которых он впервые предложил постиндустриальную теорию в чертах, послуживших основой для единого концепта.

К концу 1960-х гг. проблематика происходящих под воздействием техники изменений общества стала одной из наиболее обсуждаемых западными социологами. Именно к этому периоду относятся активные поиски названия новому феномену. З. Бжезинский, например, в 1970 г. провозгласил, что мир стоит перед «технотронной эрой», в которой его бытие и развитие будут определять технология и электроника¹⁶. Э. Тоффлер годом позже в своей книге «Шок будущего» писал о «супериндустриальном» обществе, где все изменения выводятся из техносферы¹⁷.

Выход в 1973 г. книги Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество»¹⁸ вызвал взрыв интереса к постиндустриальной проблематике, став своеобразным рубежом, за которым последовала волна футурологических концепций социологии 1970-х и 1980-х гг. Работа

¹⁵ Бутаев В.Б. Постиндустриальное общество: особенности и критерии. М.: Спутник+, 2003.

¹⁶ Brzeziński Zb. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1983.

¹⁷ Toffler A. Future Shock. N.Y., 1971.

¹⁸ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.

Д. Белла закрепила в западной социологии образ возможного будущего и оказала влияние на всех футурологов XX в.¹⁹

Футурологические исследования постиндустриализма 70–80-х гг. XX в. отличаются своим систематическим и организованным характером. Они стали институционализированной областью знания, что говорит о наличии реальной проблемы и кризиса сложившегося на Западе типа общества. Возникла целая сеть организаций, занятых разработкой «образа будущего» – как для всего мира, так и, главное, для Запада. Примером такой организации служит Римский клуб²⁰.

В 1970 г. Римский клуб заказал группе Д. Медоуза в Массачусетском технологическом институте (США) проведение исследования, «чтобы выявить катастрофические последствия существующих тенденций и стимулировать политические изменения, которые помогли бы их избежать». В 1972 г. по результатам этого исследования вышла книга «Пределы роста». Вывод доклада был таков: «Необходимо принять меры, чтобы обеспечить рационализацию всей производственной системы и передислокацию промышленности в пределах планеты». Так было положено начало практической разработке современной доктрины глобализации. Важно отметить, что это было именно *проектирование* (а не только прогнозирование) того обобщенного образа «цивилизации Третьей волны», который и обозначался словом «постиндустриализм».

Раньше всего кризис индустриального общества обнаружился в культуре. Следует вспомнить, что интенсивным поискам нового проекта цивилизации предшествовала мощная атака разных вариаций постмодерна – и в виде «красного мая–1968» в Париже, и в виде вспышки «социалистического идеализма» Пражской весны. В обоих случаях главным мотивом были вовсе не классические социальные противоречия индустриализма, а мировоззренческий кризис элитарной части городского общества, независимо от его экономической формации. Под какими лозунгами разыгрывались эти спектакли – не так важно.

Следует зафиксировать важное исходное положение: сама постановка на Западе вопроса о переходе цивилизации к ее постиндустриальной фазе, сам поиск нового названия западному обществу в этой новой фазе служили симптомами глубокого кризиса западного общества, не сводящегося к кризису индустриализма как технологического и экономического уклада. Речь идет о кризисе мировоззренческой матрицы, на которой было собрано и в течение четырех веков воспроизводилось западное индустриальное общество.

Вместе с тем, анализ истории появления теории постиндустриального общества показывает, что теория, во многом построенная на основаниях индустриализма, не могла дать ответа на новые вызовы. И акцент на технологических изменениях общества не мог служить исчерпывающим объяснением происходящих изменений. Более того, далее будет показано, что новые социальные формы постиндустриализма только усугубляют кризис западного общества как метрополии мировой капиталистической системы.

Игнорировать это нельзя еще и потому, что этот кризис захватил и Россию – и как индустриальное общество, а еще и потому, что Смута последних 20-ти лет привела российское общество в состояние глубокой деиндустриализации и демодернизации. Этот провал должен быть закрыт форсированной программой восстановления и развития. Однако какова должна быть эта программа и куда ведет развитие по «проторенному» Западом пути постиндустриализма – это и будет раскрыто в следующих разделах исследования.

¹⁹ Бутаев В.Б. Постиндустриальное общество: особенности и критерии. М.: Спутник+, 2003.

²⁰ Факт такого рода заказов иллюстрирует индустрию научно-когнитивной манипуляции. Так запускаются и тиражируются в мировой «науке» и публицистике некоторые «теории», на деле являющиеся проектами в интересах вполне определенных бенефициаров.

1.2. Школы и направления постиндустриализма

Концепция постиндустриального общества получила свое развитие в трудах многих известных исследователей: З. Бжезинского, Дж. Гэлбрейта, У. Дайзарда, М. Кастельса, Р. Катца, М. Маклюэна, Е. Масуды, Дж. Мартина, М. Пората, Т. Стоуньера, О. Тоффлера, А. Турена, Д. Белла и др. В российской науке это направление представлено работами С.А. Дятлова, Д.В. Иванова, В.Л. Иноземцева, Н.Н. Моисеева, А.И. Ракитова, Р.Ф. Абдеева и др.

Посткапиталистическое общество XX в. по Дарендорфу характеризуется прежде всего тем, что промышленность и вместе с нею промышленное предприятие перестают играть доминирующую роль в организации общественных связей и отношений, а вместе с этим изменением теряет свое значение и классовый конфликт между предпринимателем и рабочим. В таком обществе вырабатываются нормы регулирования конфликтов, что связано, с одной стороны, с индустриальной, а с другой стороны – с политической демократией. Таким образом, в западном посткапиталистическом обществе возникают большие возможности регулирования классового конфликта, который не устраняется, но локализуется в отраслевых рамках или рамках предприятия.

Один из последователей Д. Белла Г. Кан воплотил идеи постиндустриализма в собственной концепции постэкономического общества, которое он определяет как общество материального достатка («общество изобилия»). Характерной чертой данного общества является преодоление ресурсного дефицита. Настоящий успех пришел к Г. Кану после публикации его книги «Год 2000»²¹. В этой работе Канн излагал разработанную им и его коллегами методологию анализа будущего под названием «сценарный анализ» и результаты ее применения для прогнозирования развития мира до 2000 г. Германа Кана называют «технологическим оптимистом». В своих работах исследователь и его коллеги писали, что человечество перейдет от постиндустриальной экономики к следующей стадии, когда все глобальные проблемы будут успешно разрешены на основе безграничных возможностей науки и новой технологии.

Однако, несмотря на существование оптимизма, связанного с преодолением проблемы ресурсного дефицита средствами науки и технологий, Г. Кан и его последователи прогнозировали, что в постиндустриальном обществе возникнут новые конфликты, основанные на несовпадении взглядов и ценностей. И разрешить их будет намного сложнее.

Проблемой конфликтности в постиндустриальном обществе занимался французский социолог А. Турен²². В работе «Постиндустриальное общество» он выдвинул концепцию программируемого общества. По мнению исследователя, доминирующим фактором развития так называемых программируемых обществ становятся не экономические условия, а социальные силы, особенно способность к планированию, организации и контролю. В своих оценках судьбы постиндустриального общества автор весьма пессимистичен. А. Турен полагал, что технологические и экономические изменения, приписываемые постиндустриальному обществу, приведут к возникновению нового класса. Однако положение этого класса неизбежно будет ухудшаться. По мере применения механизмов капиталистического индустриализма статус «нового рабочего класса» интеллектуалов и технических специалистов в обществе будет понижаться (подобно положению рабочего класса во вре-

²¹ The Year 2000 A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Years by Herman Kahn and Anthony J. The Macmillan Company, New York, N.Y. Collier-Macmillan Limited, London, 1967.

²² Touraine A. The Post-Industrial Society: Tomorrows Social History: Classes, Conflicts, and Cultures in the Programmed Society. N.Y., Random House, 1971.

мена Маркса), привнося революционный компонент в политику. Иллюстрацией этого тезиса выступают студенческие волнения во Франции и в США, происходившие в 1960-е гг.

Существенный вклад в развитие доктрины постиндустриализма внес американский политолог З. Бжезинский, выступивший с концепцией технотронного общества. Основные положения его концепции представлены в книге «Между двух веков. Роль Америки в технотронную эру». По мнению Бжезинского, постиндустриальное общество становится технотронным обществом, т. е. обществом, «которое в культурном, психологическом, социальном и экономическом отношениях формируется под воздействием техники и электроники, особенно развитой в области компьютеров и коммуникаций»²³. Результатом технотронной революции становятся разрушение традиционных связей в семье и между поколениями, фрагментация общественной жизни, крах старых верований, связанных с национальными и идеологическими общностями людей. Технотронная революция носит не локально-территориальный, а глобальный характер, постепенно охватывая весь мир: «Эта новая революция почти одновременно оказывает воздействие на всю планету, и в итоге все новации и причуды в формах поведения быстро перемещаются от одного общества к другому»²⁴. При этом З. Бжезинский оценивает экспорт массовой культуры из США как закономерное следствие пространственно-временной коммуникационной революции, которая, по его мнению, означает конец идеологии.

В рамках постиндустриальной теории отдельно стоит выделить волновую концепцию Э. Тоффлера, изложенную в его книге «Третья волна»²⁵. Э. Тоффлер предложил свою схему феноменологии исторического процесса, выделив в истории цивилизации три волны: первая волна – аграрная (до XVIII в.), вторая – индустриальная (до 50-х гг. XX в.) и третья – пост-, или супериндустриальная (начиная с 50-х гг. XX в.). Применяя новый подход – волновой фронтальный анализ социальных процессов (или анализ «фронта волны»), который означает видение эволюции мира в ее глобально-синхронных фазах, – Э. Тоффлер анализирует технико-экономические и информационно-коммуникативные факторы общественного развития.

Первая волна, по Э. Тоффлеру, началась примерно 10 тыс. лет назад с переходом от собирательства и охоты к сельскохозяйственной жизни и появлению первых ростков цивилизации. Основой жизни цивилизаций первой волны была земля, деревенское поселение служило источником основного продукта. Господствовало простое разделение труда и небольшое количество четко определенных каст и классов: знать, духовенство, воины, рабы (или крепостные). Власть была авторитарной, и положение человека определялось фактом его рождения. Во всех странах экономика была децентрализованной и замкнутой – каждое сообщество производило большую часть того, что потребляло.

С началом индустриальной революции в конце XVII в. Э. Тоффлер связывает начало Второй волны, хотя при этом автор отмечает, что Первая волна перемен еще не исчерпала своего потенциала: «Таким образом, два отдельных, явно отличающихся друг от друга процесса перемен, распространялись по земле одновременно, но с разной скоростью»²⁶. Столкновения двух волн привели к возникновению многих политических и военных конфликтов, начиная от акций протеста сельскохозяйственных производителей по поводу индустриализации жизни и до Гражданской войны между Севером и Югом в Америке.

С приходом Второй волны связано возникновение трех определяющих социальных структур (главных институтов) – малой семьи, обучения фабричного типа и гигантских

²³ Brzezinski Zb. *Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era*. N.Y., 1970.

²⁴ Ibid.

²⁵ Тоффлер Э. *Третья волна*. М.: АСТ, 1999.

²⁶ Тоффлер Э. *Третья волна*. М.: АСТ, 1999.

корпораций. Индустриализация, внедрение новых технологий, совершенствование энергетической базы создали условия для массового производства, которое вызвало к жизни новую систему распределения. Если в обществах Первой волны превалировало распределение товаров, изготовленных на заказ, то теперь наступила эпоха массового распределения и массовой торговли. Постепенно все сферы жизни подчиняются производственно-рыночным интересам. Все социальные институты (правительственные учреждения, школы, больницы) приобретают черты фабричности, такие как разделение труда, наличие иерархической структуры и обезличенность.

В своей книге Э. Тоффлер выделяет и последовательно анализирует шесть ведущих принципов, действующих во всех странах Второй волны: стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация и централизация²⁷. Исследователь отмечает, что эти же принципы, усиливая друг друга, создали самые крупные, жесткие и могущественные бюрократические организации, элиты и суперэлиты Второй волны²⁸.

В середине 50-х гг. XX в. Э. Тоффлер фиксирует глубокий кризис принципов и структур Второй волны и приход Третьей волны.

Точкой поворота можно считать 1955 г., когда в США впервые число «белых воротничков» и работников сферы обслуживания стало превышать численность «синих воротничков». В это десятилетие началось широкое внедрение компьютеров и новых технологий, доступных населению²⁹.

Цивилизацию Третьей волны отличает ряд черт и тенденций, противоречащих традиционной индустриальной цивилизации: одновременно она является высокотехнологичной и антииндустриальной. Она несет с собой новый строй жизни, основанный на возобновляемых источниках энергии, на методах производства, исключающих фабричные сборочные конвейеры, на новой ненуклеарной семье, на новой структуре, которую Э. Тоффлер назвал «электронным коттеджем», на радикально измененных школах и объединениях будущего. Возникающая цивилизация ведет за пределы стандартизации, синхронизации и централизации. Новая цивилизация, по мнению Э. Тоффлера, будет опрокидывать бюрократию, уменьшать роль национального государства, способствовать росту полуавтономных экономик постимпериалистического мира³⁰.

Таким образом, характерными чертами постиндустриальной волны, по Э. Тоффлеру, выступают разрушение привычного социума, обвал социальных связей – не только традиционных (семья, род, профессия), но и модернизированных (государство, партия, класс, социальный слой).

Наряду с представленными концепциями теория постиндустриального общества получила развитие и интерпретацию в многочисленных работах других исследователей. Начиная с 1960-х гг. возник целый ряд направлений, изучающих и объясняющих процессы, происходящие в современном обществе, многие из которых существенно противоречили постулатам Д. Белла о стадиальности и технологическом детерминизме. Примером может служить принципиально иная историческая схема формирующегося мира в виде циклического развития. Формирование данного подхода связывается, в частности, с трудами французского экономиста и социолога Ж. Фурастье, который также оперировал термином «постиндустриализм». Признаки постиндустриального уклада, по Ж. Фурастье, во многом повторяют черты средневекового общества. В отличие от сторонников белловского направления, Ж. Фурастье указывал в качестве одной из основополагающих характеристик постиндустриального раз-

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

вития даже реабилитацию религиозного и религиозно-мистического опыта, что напрямую соотносится со средневековой традицией³¹. Понятно, что истолкование постиндустриализма в качестве «нового Средневековья» отражает принципиально иные, в сравнении с моделью стадийного прогресса, управленческие установки.

В противоположность линейному концепту развития авторы предлагаемой читателю работы утверждают, что грядущая стадия мироустройства не обладает принципиальной исторической новизной. Она нова лишь в том смысле, что каждое явление исторически новационно. Парадигма же ее формируется как синтез моделей общества традиционного и модернизационного типов.

Последовательно проведенная до своего логического завершения модернизация приводит к самоотрицанию. И вот уже на новом циклическом витке развития за декорациями модерна и постмодерна угадываются контуры «нового Средневековья»³².

Строго говоря, не все подобные концепции могут считаться научными школами в рамках собственно теории постиндустриализма в узком смысле слова, это скорее альтернативные направления в рамках поля исследований будущего.

Среди наиболее заметных стоит выделить концепцию информационного общества, концепцию «общества знаний», постмодернизм, концепцию постисторического общества.

В начале 1960-х гг. фактически одновременно в Японии и США в работах Ф. Махлупа и Т. Умесао в научный оборот был введен термин «информационное общество»³³, положивший начало одноименной теории. Теория информационного общества начала разрабатываться в трудах таких авторов, как М. Порат³⁴, Й. Масуда³⁵, Т. Стоуньер³⁶, Р. Катц³⁷. Информационное общество рассматривается исследователями в качестве социального уклада, возникшего в ходе телекоммуникационной революции, развернувшейся одновременно со становлением постиндустриального общества. В информационном обществе доминирует информационный сектор экономики, связанный с ведущей ролью информации и знания.

М. Порат и Р. Катц уделили внимание социологическому аспекту теории информационного общества. Исследователи акцентировали внимание не столько на прогрессе собственно информационных технологий, сколько на становлении технологического, или технотронного, общества и определили современный социум, отталкиваясь от возросшей и постоянно возрастающей роли знаний. По сути, М. Порат и Р. Катц разрабатывали теорию новой социальной структуры, возникшей в условиях постиндустриального общества.

Социально-экономический аспект теории информационного общества в 1970–1980-х гг. изучал Т. Стоуньер. Согласно его социально-экономической теории информационного общества, информацию, подобно капиталу, можно накапливать и хранить для будущего использования. В постиндустриальном обществе национальные информационные ресурсы – самый большой потенциальный источник богатства. Постиндустриальная экономика – это экономика, в которой промышленность по показателям занятости и своей доли в национальном продукте уступает место сфере услуг, а сфера услуг есть преимущественно обработка информации. Производство информации увязывалось с производством знаний и научными открытиями, а растущее значение информатизации выражалось в концепциях постиндустриального и информационного общества.

³¹ *Легостаев В.М.* Наука в рамках технократической утопии Жана Фурастье // Вопросы философии. 1974. № 12.

³² *Эко У.* Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4.

³³ *Dordick H.S., Wang G.* The Information Society: A Retrospective View. Newbury Park-L., 1993.

³⁴ *Porat M., Rubin M.* The Information Economy: Development and Measurement. Wash., 1978.

³⁵ *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981.

³⁶ *Stonier T.* The Wealth of Information. L., 1983.

³⁷ *Katz R.L.* The Information Society: An International Perspective. N.Y., 1988.

Одним из главных представителей информационизма является американский социолог М. Кастельс, автор фундаментального трехтомного труда «Информационная эпоха: экономика, общество и культура»³⁸. Он рассматривает формирующуюся сегодня в глобальном масштабе социальную структуру как сетевое общество. Его важнейшей чертой выступает не столько доминирование информации или знания, сколько изменение направления их использования, в результате чего главную роль в жизни людей обретают глобальные, «сетевые» структуры, вытесняющие прежние формы личной и вещной зависимости. Автор подчеркивает, что такое использование информации и знаний ведет к совершенно особой социальной трансформации, к возникновению «информационизма». Как отмечает М. Кастельс, индустриализм нацелен прежде всего на производство и распределение энергии, ориентирован на максимизацию выпуска продукции. Информационизм охватывает все области человеческой деятельности и направлен на развитие технологий, накопление знаний и достижение более высоких уровней обработки информации.

В то же время М. Кастельс не говорит о закате капитализма, а даже наоборот, утверждает, что общество сетевых структур является буржуазным обществом. Однако эта разновидность капитализма существенно отличается от своих предшественников двумя основными признаками: глобальный характер (наступивший после распада социалистического лагеря стран) и базирование на сети финансовых потоков. Как отмечает ученый, современные финансовые потоки не знают границ и национальностей, циркулирование капитала определяет судьбу корпораций, семейных сбережений, национальных валют и даже региональных экономик.

Идеи М. Кастельса нашли отражение в работах ряда социологов и политологов, исследующих социальные процессы в современном обществе, возникшие в связи с глобализацией общественных и экономических отношений. Достижения в области новых технологий, на которых основывается формирование информационного общества, во многом изменили характер политической коммуникации. Функционирование современных демократических институтов может быть существенно затруднено без адекватного информационного сопровождения, а обеспечение равного доступа к сетям при определенных условиях может способствовать закреплению демократических стандартов на уровнях межличностного и межгруппового общения³⁹.

Широкое распространение в работах зарубежных обществоведов получила концепция «общества знания» (Н. Штер, П. Друкер, Т. Сакайя, Д. Диксон). В рамках данной концепции знание рассматривается в качестве основного фактора производства. Человек предстает как основная движущая сила хозяйственного прогресса, а основной его целью является повышение качества жизни.

В работе «Посткапиталистическое общество» американский экономист П. Друкер изложил свои воззрения на современное состояние и перспективы развития капиталистического общества. П. Друкер описывает тенденции, ведущие к преодолению традиционного капитализма; причем основными признаками происходящего сдвига выступают переход от индустриального хозяйства к экономической системе, основанной на знаниях и информации, преодоление капиталистической частной собственности и отчуждения (в марксистском понимании), формирование новой системы ценностей современного человека и трансформация идеи национального государства в сторону глобальной экономики и глобального социума. П. Друкер называет современный этап эпохой радикальных изменений основ

³⁸ Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture: The Rise of the Network Society. Malden (Ma.) – Oxford: Blackwell Publ., 1996.

³⁹ Гуморов В.А. Концепция киберпространства и перспективы современной демократии // Интернет и современное общество. Всероссийская научно-методическая конференция. Санкт-Петербург, 8–11 декабря 1998 г.: Тезисы докладов. СПб., 1998.

общественного устройства – трансформации капиталистического общества в общество, основанное на знаниях (knowledge society) ⁴⁰.

По мнению П. Друкера, то обстоятельство, что знание стало главным, а не просто одним из видов ресурсов, и превратило наше общество в посткапиталистическое. Данное обстоятельство изменяет структуру общества, и при этом коренным образом. Оно создает новые движущие силы социального и экономического развития, влечет за собой новые процессы и в политической сфере.

В своей концепции П. Друкер соотносит прогресс с тремя этапами изменения роли знания в обществе:

– первый этап связан с применением знаний для разработки орудий труда, технологий и организации промышленного производства;

– второй этап – применение знаний к процессам организованной трудовой деятельности;

– третий (современный) этап характеризуется тем, что знание становится основным условием производства и «знание теперь используется для производства знания»⁴¹.

Основным политологическим выводом из концепции П. Друкера является то, что переход к «обществу, построенному на знании», принципиально меняет властную структуру общества – власть и контроль постепенно переходят от обладателей капитала к тем, кто обладает знанием и информацией, владеет эффективными технологиями его использования. Причем этот переход не отменяет значения капитала. Как правило, капитал перераспределяется, а точки концентрации знания и информационных технологий становятся одновременно и точками управления финансовыми потоками.

Японский экономист Т. Сакайя в работе «Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего» предложил собственную концепцию общества, центральное место в котором занимают знания и которое он называет knowledgevalue society (общество, базирующиеся на ценностях, создаваемых знанием). В отличие от ряда западных исследователей, широко применяющих понятия knowledge society, knowledgeable society или производные от них, Т. Сакайя подчеркивает, что характерным признаком современного общества является не сам факт широкой распространенности знаний, а то, что они непосредственно воплощаются в большинстве создаваемых в обществе благ, и таким образом экономика превращается в систему, функционирующую на основе обмена знаний и их взаимной оценки.

Концепция постмодернизма (Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар, З. Бауман, У. Бек, Д. Харви) также выступает одной из альтернатив постиндустриализму. Ее авторы скорее ориентированы не на исследование объективных характеристик современного общества, а на суть явлений, происходящих на социопсихологическом уровне.

Ряд концептуальных расхождений касается представлений о роли науки, знаний и информации⁴². Изменение статуса знания, являющегося главным компонентом культуры, в информационную эпоху сводится к тому, что знание принимает форму информации, переводимой на язык компьютеров, операционализируется и коммерциализируется.

З. Бауман в качестве важной черты постмодерна, в противоположность теоретикам постиндустриального общества, выделяет статусный кризис интеллектуалов (элиты знания). В рамках направления «постмодернизм» также можно рассмотреть и концепцию постистории, предложенную немецким философом А. Геленом в статье «О культурной кристал-

⁴⁰ Друкер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1990.

⁴¹ Там же.

⁴² Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб, 1998.

лизации» и развитую в работах Ж. Бодрийяра⁴³. Работы А. Гелена и Ж. Бодрийяра отличаются пессимистичными оценками современного этапа общественного развития. Говоря о всемирно-историческом процессе, А. Гелен констатирует наступление идейного вакуума. Это состояние он характеризует как пост-историю – время, когда «в плане истории идей уже больше нечего ждать»⁴⁴. Концепция пост-истории Ж. Бодрийяра созвучна идеям А. Гелена. Он рассматривает пост-историю как такое состояние общества, в котором актуализированы все исторические потенциальности, а следовательно, невозможно никакое подлинное новаторство.

Проблематика постиндустриализма поднималась в работах отечественных ученых. В 1960–1980 гг. советский академик В.А. Трапезников сформулировал ряд тезисов, получивших отражение в современной теории постиндустриализма. В 1971 г. в статье «Темп научно-технического прогресса – показатель эффективности управления экономикой» он акцентировал внимание на доминирующей роли знания: «Из понятия об информационной природе труда следует, что наиболее концентрированным результатом труда является информация, представленная в форме накопленных знаний, поэтому научный потенциал страны, его правильное использование являются одним из основных факторов, определяющих развитие нашего общества»⁴⁵.

Среди современных российских ученых, исследующих проблемы трансформации общества с позиций постиндустриализма, концепций информационного общества и развития информационной цивилизации, следует отметить В.Л. Иноземцева, А.И. Ракитова, Р.Ф. Абдеева.

Как видно из приведенного обзора, концепция постиндустриализма получила широкий отклик в работах зарубежных и российских специалистов в области общественных наук. Многие исследователи рассматривают современные общественные процессы через призму технологических и информационных изменений, а также повышения значения и роли теоретического знания. Существует множество более частных подходов. Известны теории постиндустриального капитализма, постиндустриального социализма, экологического и конвенционального постиндустриализма и т. д., однако фундамент концепции остается прежним. Среди характерных черт постиндустриального общества исследователи выделяют снижение роли материального производства и развитие сектора, создающего услуги и информацию, изменение характера человеческой деятельности, использование в производстве новых типов ресурсов, а также существенную модификацию социальной структуры. Кроме того, изменения, произошедшие в западной общественно-политической мысли начиная с середины 1990-х гг., также повлияли на проблематику постиндустриальных концепций. Акцент сместился на исследование проблем глобализирующегося мира и объяснение существующего глобального миропорядка.

⁴³ *Gehlen A. Über kulturelle Kristallisation. In: Wege aus der Moderne: Schlüsseltexte der Postmoderne-Diskussion / hrsg. von Wolfgang Welsch. Mit Beitr. von J. Baudrillard... – durchges. Auf. – Berlin: Akad. Verl., 1994.*

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *Трапезников В.А. Темп научно-технического прогресса – показатель эффективности управления экономикой // Автоматика и телемеханика. 1971. № 4.*

1.3. О постиндустриалистском дискурсе

С тех пор как Д. Белл начал популяризировать идею постиндустриального общества, она глубоко проникла в экономическую мысль, социологию, литературу и журналистику и даже в политические документы целого ряда стран, включая современную Россию. Однако, несмотря на свою популярность, данная концепция далеко не везде и не всеми была встречена одинаково благосклонно. За более чем 50 лет своего существования теория постиндустриального общества получила огромное многообразие оценок в диапазоне от восторженной оценки как «единственной теории XX века, получившей полное подтверждение» в реальной истории до «антимарксизма» и «очередной буржуазной пропагандистской поделки». Поэтому систематизация всего арсенала аргументов «за» и «против» постиндустриализма оказывается делом хотя и весьма кропотливым, но в то же время чрезвычайно интересным.

Необходимо оговориться, что подходя к систематизации и описанию полученных концепцией постиндустриализма оценок со строго академических позиций, предполагающих выделение основных научных школ и соотнесение экспертной дискуссии вокруг теории постиндустриального общества с основными вехами исторического времени, исследователь неизбежно столкнется с трудностями. Суть этих трудностей станет понятной, если вспомнить о том, что теория постиндустриального общества, в строгом понимании, не является ни теорией, ни даже научной концепцией, а наиболее точно может быть охарактеризована как идеологема, даже идеология. И именно качества, присущие идеологемам, определяют основные свойства дискуссии вокруг идеи постиндустриального общества в научной и экспертной среде. Именно эти качества приводят к тому, что постиндустриализм становится инструментом политической деятельности и даже, гипотетически, инструментом геополитической борьбы.

Во-первых, речь идет о том, что у идеологема, в отличие от теории, нет четко определенного (ограниченного) значения. Иными словами, концепция постиндустриального общества обладает невероятным множеством интерпретаций. «Постиндустриальное общество» представляет собой достаточно размытое рамочное понятие. В лагере апологетов постиндустриализма уже за полвека существования концепции постиндустриального общества так и не сложилось единой терминологии. Различные авторы выделяют отдельные характерные особенности исследуемого предмета, используя при этом собственную терминологию⁴⁶. В результате, критики, берущиеся за задачу аргументированного отображения недостатков данной концепции, сталкиваются с необходимостью борьбы с «многоголовой гидрой». А такой понятийный релятивизм дает классические возможности для манипуляций сознанием как научных последователей и интерпретаторов, так и практикующих политиков и государственных деятелей, начинающих внедрять идеи постиндустриализма в практику государственного строительства и реформ национальных экономик.

Во-вторых, значения, которыми наделяется идеологема, могут меняться с течением времени в соответствии с политической прагматикой. Так, например, одному из главных апологетов постиндустриализма в России В.Л. Иноземцеву знание о том, что основоположник концепции постиндустриализма Д. Белл рассматривал свое творение скорее как инструмент теоретического анализа, чем отображение реально существующего строя, никак не мешало выдвигать тезис о двух объективно существующих моделях современного постиндустриализма – в США и ЕС. А также всерьез задаваться вопросом: «Является ли распад СССР пора-

⁴⁶ Дэйвард У. Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.

жением коммунизма или коллапсом примитивной формы индустриальной системы, окружающей постиндустриальной цивилизацией»⁴⁷.

В-третьих, ориентация идеологом на создание у объекта манипуляции иллюзии понимания делает концепцию постиндустриализма внутренне противоречивой, т. к. многие апологеты не утруждают себя обстоятельным изучением предмета и в результате начинают противоречить основополагающим принципам теории, на которые сами же и ссылаются. Примером может служить путаница с «сервисным обществом», когда современные исследователи утверждают в своих работах, что «под сферой услуг в теории постиндустриального общества понимают как услуги, непосредственно связанные с производством, такие как транспорт, строительство и торговля, так и финансовые страховые услуги, а также услуги по социально-культурному обслуживанию населения (туризм, шоу-бизнес, СМИ) и, наконец, общественные услуги (здравоохранение, образование и административные службы)»⁴⁸. В то время как отцы-основатели теории, в частности Д. Белл, разделяли сервис, направленный на удовлетворение утилитарных потребностей, от так называемой креатосферы (медицина, образование, наука, рекреация человека и природы), придавая значение исключительно последнему в ущерб первому.

И, наконец, в-четвертых, тот факт, что идеологема всегда маркирована, т. е. эмоционально окрашена, нередко выводит дискуссию на тему постиндустриализма за рамки научного и экспертного обсуждения проблемы. Из сферы, в которой споры ведутся вокруг основного противоречия (истина/ложь), – в морально-этическую (хорошо/плохо) и эмоциональную (нравится/не нравится) плоскости.

Все вышеперечисленное усложняет задачу систематизации полемики вокруг постиндустриализма по принципу исторической хронологии и основных научных школ. Поэтому, чтобы сделать картину, которая должна появиться в результате исследования более четкой, в данной главе в основу исследования положен другой подход.

Он состоит в том, что вместо научных школ, которые по факту оказались расколотыми на противников и приверженцев постиндустриализма, т. к. последние оказались в числе представителей самых различных идеологических направлений – от консерватора У. Росту⁴⁹ и умеренного либерала К. Томинага⁵⁰ до придерживавшегося явной социалистической ориентации А. Турена⁵¹ и чешского марксиста Р. Рихты⁵², – авторы будут говорить о двух основных лагерях. Оппонентов и апологетов «постиндустриализма», вне зависимости от того, о каком именно – постиндустриальном, постэкономическом, постисторическом и т. п. – обществе будет идти речь.

В качестве основного индикатора, позволяющего причислить ученых или экспертов к обозначенным лагерям, необходимо рассматривать их четко выраженную (критическую или, наоборот, апологетическую) позицию в отношении главных характеристик постиндустриального общества, выделенных основателем теории Д. Беллом. Напомним, речь идет о:

- новой роли теоретического знания, которое превращается в главный источник технологических нововведений;
- переходе от производства преимущественно товаров к производству преимущественно услуг;

⁴⁷ Переосмысливая будущее. Крупнейшие американские экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. № 11.

⁴⁸ *Кочетков В.В., Кочеткова Л.Н.* К вопросу о генезисе постиндустриального общества // *Вопросы философии*. 2010. № 2.

⁴⁹ *Rostow W.W.* *Politics and the Stages of Growth*. Cambridge, 1971.

⁵⁰ *Tominaga K.* *Post-Industrial Society and Cultural Diversity* // *Survey*. Vol. 16. 1971. № 1.

⁵¹ *Touraine A.* *La société postindustrielle*. P., 1969.

⁵² *Richta R.* *Civilization at the Cross-Roads*. Sydney. 1967.

– доминировании профессионального и технического класса над традиционным пролетариатом;

– появлении интеллектуальных технологий, дающих ключ к рациональному планированию технологического и социального развития.

Именно такой подход в случае изучения полемики вокруг идеологемы позволяет отвлечься от многих лишних подробностей, сосредоточившись на главном, т. е. на основных направлениях полемики, высвечивающих недостатки и достоинства теории.

При этом дискуссию в целом логично разбить на два направления. Poleмику вокруг постиндустриализма как «научной теории» и полемику вокруг постиндустриализма как идеологии. В каком-то смысле это совпадает с классификацией А.В. Бузгалина, который в своих работах выделил два типа критики постиндустриализма: критику теории и «критику практики с позиций теории»⁵³. Однако если первый тип никаких вопросов не вызывает, то второй вполне может быть подвергнут сомнению с той точки зрения, что далеко не все критики и даже не все апологеты признают реальное существование «практики постиндустриализма».

Так, например, во время интервьюирования В.Л. Иноземцевым нескольких мыслителей Запада, в том числе постиндустриалистов, большинство из них не смогли содержательно сформулировать смысл префикса «пост-» (в слове «постиндустриальный»), поскольку не видели реальности самого объекта вербального выражения. Приведем характерный ответ М. Голдмана: «Я не думаю, что мы действительно находимся в постиндустриальной эре. Причиной является то, что промышленное производство не только остается весьма значимым, но и в определенной степени становится даже более важным»⁵⁴.

Поэтому деление на критику научной теории (полемика по принципу верно/неверно) и критику идеологии (по принципу правильно/неправильно, вне зависимости от объективного существования постиндустриального общества) представляется более обоснованным.

Что касается хронологических и географических рамок исследования, то первые охватывают период с конца 50-х гг. XX в. (зарождение теории постиндустриального общества на Западе) до современности, а вторые включают страны Запада и Россию, т. е. те регионы, где концепция постиндустриализма смогла найти осязаемое признание и где наблюдались практические последствия в государственном строительстве.

Полемика вокруг постиндустриализма как научной теории

Приступая к рассмотрению этого вопроса, следует отметить, что критике активно подвергается само причисление концепции постиндустриализма к научным теориям, хотя именно в такой коннотации («теория постиндустриального общества») данная идеологема утвердилась в научном сообществе.

Позицию критиков в данном случае можно обобщить цитатой из статьи доктора философских наук, профессора Белорусского государственного педагогического университета И.Я. Левяша. Постиндустриальное общество, пишет он, – «это не концепция, понимаемая как систематизированное теоретическое моделирование сущности, а гипнотическая идея, в которой главное – не прозаическое сущее, а привлекательное должное»⁵⁵.

⁵³ Данный вид критики, по мнению ученого, предшествует ниспровержению каждого типа общества; в качестве примера он приводит буржуазную критику феодализма и диссидентскую критику «реального социализма».

⁵⁴ Переосмысливая будущее. Крупнейшие американские экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 11.

⁵⁵ Левяш И.Я. Постиндустриализм: проблема адекватности концепта // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

Причины, лежащие в основе такой позиции, будут понятны ниже. Здесь же важно подчеркнуть другой момент. А именно – апологеты постиндустриализма в ответ на подобную критику отнюдь не приводят систему аргументации, доказывающую обратное, т. е. наличие объяснительной функции у концепции постиндустриального общества. Можно сказать, что они прибегают к тактике уклонения от непосредственного спора со своими оппонентами как по этому, по сути основополагающему, вопросу, так и по многим другим.

Например, сторонники постиндустриализма уводят дискуссию в другую плоскость, говоря о концепции постиндустриального общества не столько как об отдельной научной теории, сколько как о «широко признанном методологическом основании большинства исследований в Западной Европе и США»⁵⁶. Иными словами, на передний план выводится другая характеристика теории постиндустриального общества, а именно – популярность данной концепции на Западе. Но это вовсе не может свидетельствовать о научной ценности постиндустриализма. Более того, ряд критиков считают возрастающий интерес к «новой экономике» среди «просвещенной публики», как раз наоборот, фактором, порождающим «дефицит научности и одновременное буйство фантазии в подходе к проблеме»⁵⁷. Налицо информационный пропагандистский аспект феномена распространенности теории постиндустриализма, связанный не с ее научной кондицией, а с какими-то иными целями тех, кто тиражировал, популяризировал и распространял «теорию».

Неординарна позиция отдельных апологетов постиндустриализма, наделяющих его статусом самостоятельной постиндустриальной парадигмы⁵⁸ (Ю.Я. Яковец) и даже постиндустриальной метатеории (В.Л. Иноземцев). Последнее особенно удивительно, т. к. метатеория, как известно, предполагает изучение структуры, языка и свойств некоторых теорий, что никак не соотносится с концепцией постиндустриального общества. Поэтому «оказывается», что постиндустриализм – это лишь описание реальности в ее разнообразии «в рамках разных парадигм», а «метатеоретическое» определение этих процессов невозможно, да и не нужно⁵⁹.

Ниже будут приведены основные подмеченные критиками спорные моменты, вокруг которых строится структура экспертной дискуссии на тему научности теории постиндустриального общества. При этом существенно осветить характер дискуссии, заостряя внимание на тех моментах, которые обеспечивают «живучесть» и широкое распространение далеко за пределами науки идеологии постиндустриализма, несмотря на аргументированную критику, которую она встречает в научной и экспертной среде.

Вообще говоря, проблема идеологического вторжения в науку, подчеркнутая во введении, характерна не только для «теории» постиндустриализма. Хорошо известна история с учением К. Маркса, которое оказалось выведенным за пространство научной верификации и превратилось в подобие религиозного догмата. Пренебрежение истинной научностью стоило целым странам и части мира краха социально-экономических систем и государственности. В современной России теория (идеология) постиндустриализма вновь возводится в ранг государственной политики трансформаций, что также дорого обходится стране, вызывая диспропорции и отставание в развитии.

⁵⁶ Хацевич Р. В. Концепция «постиндустриального общества» Д. Белла // Достоверное и проблематичное: Сборник научных статей. Мурманск, 2002. Вып. I.

⁵⁷ Ишмаев Г.Ш. Концепции постиндустриального общества: опыт систематизации // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск 4. 2007. № 17 (95).

⁵⁸ Отметим, что понятие «парадигма», в отличие от понятия «теория», имеет множество общепризнанных значений, в том числе: парадигма в риторике – пример, взятый из истории или мифологии и приведенный с целью сравнения; параболы, басня.

⁵⁹ Бузгалин А.В. «Постиндустриальное общество» – тупиковая ветвь социального развития? (Критика практики тотальной гегемонии капитала и теорий постиндустриализма) // Вопросы философии. 2002. № 5.

Содержательная размытость понятия «постиндустриальное общество»

Данный тезис является, по сути, основанием всех смысловых конструкций, которые строят оппоненты теории постиндустриального общества, отказывая постиндустриализму в праве называться научной теорией. Однако, как уже отмечалось, расплывчатость значений является одной из основных характеристик идеологии, поэтому апологеты не отрицают этого очевидного свойства концепции, но пытаются преподнести его научной и экспертной общественности со знаком «плюс».

Так, в своей статье, посвященной Д. Беллу, В.Л. Иноземцев указывает, что уникальность концепции постиндустриального общества как раз и заключается в том, что «...она предоставляет в распоряжение исследователя некий общий инструментарий социального поиска, не задавая жестких рамок, которые были присущи другим социологическим доктринам»⁶⁰.

Неясно, как такой подход сочетается с научностью, которая, как известно, требует четкости и предельной определенности всех базисных понятий, на которых строится исследование.

Важно подчеркнуть, что двусмысленность при формулировании концепции постиндустриального общества не является позднейшим привнесенным в концепцию явлением. Она была характерна еще для Д. Белла, на что справедливо указывается в научной литературе⁶¹. Так, в своей книге «Грядущее постиндустриальное общество» Д. Белл в одном и том же отрывке пишет, что постиндустриальное общество, с одной стороны, «является *идеальным типом*, построением, составленным социальным аналитиком на основе различных изменений в обществе, которые, сведенные воедино, становятся более или менее связанными между собой и могут быть противопоставлены другим концепциям»⁶². С другой стороны, он же говорит о том, что данное понятие «определяет единую сумму проблем, с которыми *придется* столкнуться обществам, становящимся постиндустриальными».

Несколько иронизируя, И.Я. Левяш перефразирует последнее определение Д. Белла, высвечивая абсурдность такого подхода, при котором не постиндустриальное общество в качестве научной модели сопоставляется с реальностью, а наоборот, некая «реальность будущего»⁶³ (менее всего поддающаяся верификации) сопоставляется с моделью постиндустриального общества. Реальность же будущего – это, вообще говоря, логический нонсенс.

Неоправданность прогностических претензий концепции постиндустриального общества

Согласно подходу, обозначенному выше, представители постиндустриализма, фактически начиная с Д. Белла, настаивают на том, что «эта доктрина... становится одним из наиболее эффективных теоретических инструментов исследования тенденций развития обществ, вступающих в XXI век»⁶⁴.

⁶⁰ Иноземцев В.Л. Социология Даниела Белла и контуры современной постиндустриальной цивилизации // Вопросы философии. 2002. № 5.

⁶¹ Там же.

⁶² Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М., 1999.

⁶³ Левяш И.Я. Постиндустриализм: Проблема адекватности концепта // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

⁶⁴ Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia. 1990.

Однако находится достаточно много критических оснований, чтобы подобное утверждение оспорить, т. к. за полвека существования «теории постиндустриального общества» многие выводы и прогнозы, сделанные ее приверженцами, не подтвердились практикой.

Против очевидных фактов нет возможности пойти и у апологетов постиндустриализма, которые вынуждены признать, что многие тенденции XXI в. оказались диаметрально противоположными тем, которые они наблюдали (якобы в согласии со своей теорией) в последние десятилетия XX в.⁶⁵

Как это ни удивительно, последнее совершенно не вынуждает сторонников подвергать сомнению или пересматривать основные принципы постиндустриализма. Вместо этого в научной литературе здесь и там встречаются попытки самооправдания и апологетики теории постиндустриального общества. И это вновь объяснимо в рамках представления об определенной вненаучной и массовой информационной заданности разработки.

В.Л. Иноземцев утверждает, что «нельзя упрекать исследователей за недостаточное внимание к тем фактам и процессам, которые в их время не могли рассматриваться как основополагающие или всеобщие»⁶⁶. Ученый даже приводит незамысловатую аналогию, сравнивая с постиндустриалистами первых философов, которые постигали природу и общество в качестве формы проявления божественной души, что позднее было поставлено под сомнение секулярной наукой.

Однако хотелось бы подчеркнуть, что сопоставление философии древних, мистической в своей основе, с футурологическими построениями современных ученых, которые претендуют не на объяснение порядка вещей, а на прогнозирование вполне конкретных тенденций, едва ли правомерно.

Дефицит научности в подходе к проблемам

Отметим, что критики считают несостоятельной теорию постиндустриального общества не только с точки зрения ее завышенных прогностических претензий, но и как модель, описывающую современное состояние общества. Следует признать, что ряд выводов, которые делают исследователи-постиндустриалисты, действительно основаны не на анализе фактических данных, а на результатах применения методов, которые являются не вполне научными с точки зрения современной социологии.

Так, например, в отсутствие «надежных социометрических данных» выводы обосновываются личными впечатлениями от жизни в Америке и Европе, от общения с западными коллегами, а также «осмыслением публикаций, косвенным образом проливающих свет (хороша методология! – *Авт.*) на интересующие нас отличия»⁶⁷. Возможно, именно в силу применения подобных методов в рамках теории постиндустриального общества появились концепции, утверждающие доминирование творческого труда над другими потребностями – центральный тезис теории «общества знаний». Но принятая современной психологией и социологией «теория потребностей» не противопоставляет творческие потребности материальным, а обоснованно утверждает, что в структуре потребностей человека на любом этапе развития общества присутствуют как те, так и другие⁶⁸. Потребность в творческом

⁶⁵ Иноземцев В.Л. Перспективы гуманизма. Гуманитарные интервенции: Некоторые поводы для размышления // Человечество. 2005. № 2.

⁶⁶ Иноземцев В.Л. Две концепции исторического развития: Марксизм и постиндустриализм // Философские исследования. 1997. № 3.

⁶⁷ Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество: К проблеме социальных тенденций XXI века // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

⁶⁸ Михеев В.В. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 1.

труде, как утверждают критики постиндустриализма и сторонники классической теории потребностей, должна рассматриваться как одна из составляющих в структуре гуманитарных потребностей, которая, однако, вовсе не вытесняет экономические потребности человека.

Нецелостность представлений об обществе, характерная для постиндустриализма

Нецелостность представлений об обществе ставилась и ставится в укор сторонникам «постиндустриального общества» столь же часто, как и размытость самого понятия. Так, критики постиндустриализма отмечают, что основатель теории постиндустриального общества Д. Белл выделил лишь две характеристики общества, расположив на одной оси общественных отношений рабовладельческий, феодальный и капиталистический строй, а на другой (технологической) оси – доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество⁶⁹. При этом не получило должного обоснования само употребление приставки «пост-», которая подразумевает отталкивание от индустриализма, но никак не определяет «нового состояния цивилизации» через ее позитивные признаки.

⁶⁹ Леваш И.Я. Постиндустриализм: Проблема адекватности концепта // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.